

*“Листая старые дела”
100-летию кубанского сыска посвящается*

**Всем отделениям
уголовного розыска**

**Андрей
ФАНИЕВ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Краснодарское краевое отделение
Общероссийской общественной организации -
Ассоциация ветеранов боевых действий ОВД и ВВ России

18+

Андрей Владимирович Фаниев

Всем отделениям

уголовного розыска. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69009109

SelfPub; 2023

Аннотация

В первые годы после свержения царского строя Советская республика столкнулась с валом преступности. Амнистированные Временным правительством уголовники – «птенцы Керенского», дезертиры и белогвардейские офицеры – объединяются в полувоенные, хорошо вооружённые отряды. Крестьяне бросают мирную жизнь и подаются в бело-зелёные банды. По кубанским степям и Екатеринодару проносится волна убийств и грабежей. Русский офицер Лавр Ермаков, до революции служивший в Екатеринодарском сыскном отделении, хочет эмигрировать за рубеж, но, не успев попасть в Новороссийск, вновь становится агентом уголовного розыска, где встречается со своим другом и наставником, бывшим начальником Екатеринодарского сыскного отделения А.П. Пришельцевым. Раскрыв ряд тяжких преступлений, Ермаков планирует начать мирную семейную жизнь, но на Кубань высаживается десант под командованием белого генерала Улагая,

и ему предлагают возглавить диверсионную группу сотрудников милиции. На основе реальных событий.

Андрей Фаниев

Всем отделениям уголовного розыска. Часть 1

Какая милиция нужна нам,
пролетариату, всем трудящимся?
Действительно народная!
В.И. Ленин.

«Для объясненія взаимнаго дѣйствія тѣль чрезъ разстоянія (лучистая теплота, свѣтъ, магнетизмъ и проч.), необходимо допустить существованіе эѳира — весьма тонкаго вещества, наполняющаго вѣсь миръ, какъ междупланетные пространства, такъ и междуклеточные и междуатомные. Частицы эѳира, подобно частицамъ физическихъ тѣль, находятся въ движеніи». Лавр вздохнул и отбросил в сторону растрёпанный учебник физики Краевича¹, где не хватало доброй половины листов. Он устало прикрыл глаза, слушая, как дождь глухо шелестит по соломенной крыше сарая, в котором его и ещё пять офицеров, держали уже третьи сутки.

Его и ротмистра Головина, на подходе к Новороссийску, задержал под Баканской кавалерийский дозор. Обыскав и не

найдя ничего интересного, красный конник, безошибочно угадав в них офицеров, выругался: – «Давай золотопогонников для разбора в карцер! Дело говорю, в Новороссийск пробираются заразы!»

Их втокнули в сарай, и они остановились на пороге, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку.

– Давайте знакомиться, господа. Полковник Белов, – слегка приволакивая ногу, к ним приблизился высокий сухощавый мужчина: – С кем имею честь?

Лавр огляделся и увидел ещё три пары глаз, внимательно разглядывавших вошедших. Он принял строевую стойку: – Штаб-ротмистр Ермаков Лавр Павлович, – и, подумав секунду, представил своего спутника.

– Ну что ж, нашего полку прибыло, – сказал Белов и назвал остальных по старшинству – подполковник Иващенко, подпоручик Фролов и лейб-гвардии корнет Подбельский – затем, усмехнувшись, добавил: – Все к вашим услугам!

Шли третьи сутки пребывания в сарае, и они уже потеряли счёт времени, измотав себя одной мыслью: «Что будет дальше?»

– Господа, я очень боюсь, что мы можем не успеть на пароход, – взволнованно, произнёс Подбельский, похрустывая пальцами.

– Во первых не пароход, а корабль. Там стоят английские военные суда и ещё, кажется, итальянские, греческие и французские. Хотя формально вы правы, наши пароходы

тоже имеются. А во-вторых, корнет, вы бы лучше думали, как вообще живым выбраться из этого сарая, – тихо сказал Белов, зябко кутаясь в шинель, из которой ещё торчали нитки от срезанных погон.

– Вы о чём? – испуганно спросил Подбельский.

– О том, что нас, скорее всего, расстреляют, – зло ответил Иващенко, – сегодня ночью надо бежать. Вы слышите канонаду? Это корабельные пушки обстреливают город. Возможно, это артподготовка перед десантом. Часть, которая нас задержала, в каждую минуту может выдвинуться на Новороссийск или начать отступать. В любом случае мы будем ненужным балластом.

– Евгений Владимирович прав, – сказал Головин – в живых нас не оставят, это несомненно.

– Как расстреляют? За что? – опешил Подбельцев.

– Вас, кстати, корнет в первую очередь, – усмехнулся Фролов – ведь вы гвардеец, значит, дворянин. Я уверен, что товарищи обязательно захотят посмотреть, действительно ли кровь у вас голубая?

Подбельцев беспомощно огляделся по сторонам, ища у товарищей поддержки. Его длинные девичьи ресницы и щёки, покрытые лёгким персиковым пушком, дрожали. Он попытался овладеть собой и стиснул зубы, но на глазах всё-таки выступила предательская влага. Лавру стало его жаль.

– Зря вы так, – обратился он к Фролову, – может статься, что среди красных найдется знаток гвардейских традиций и

их тоже интересует цвет вашей крови.

– Это еще почему? – взвился Фролов.

– У вас на манжете первая пуговица не застёгнута², – усмехнулся Лавр, и с улыбкой спросил: – В каком полку служили?

– В лейб-гвардии гренадёрском.

Лавр шагнул к нему и протянул руку: – Вы участвовали в атаке, после которой ваш полк сократился до размеров батальона?

– Да... Мы были на Юго-Западном фронте, это было через месяц после боев у Ивангорода, когда прорвали австрийский фронт. Вам тоже посчастливилось, там побывать?

– Я служил в 3-м кавалерийском корпусе 9-й армии, мы стояли по соседству.

– У Лечицкого?³ – обрадовано воскликнул Фролов, – а Келлеровском корпусе?⁴

– Да, – скромно ответил Лавр, затем обернулся к Подбельцеву, и, глянув, на его щегольского покроя сапоги, с улыбкой спросил: – А вы, судя по розеткам⁵, из гусар будете?

– Субалтерн-офицер⁶ 3-й роты, 2-го взвода лейб-гвардии Гродненского гусарского полка! – Подбельский принял строевую стойку, и по-детски шмыгнув носом, печально добавил: – Я только начал службу в 16-м году, а в 18-м нас уже расформировали...

Лавр положил руку ему на плечо и ободряюще улыбнул-

ся: – Ничего, ментик⁷ ведь довелось поносить и сапоги в память о службе остались. Сколько девушек своими брандербурами⁸ успели за два года с ума свести? Подбельский застенчиво покраснел и улыбнулся. Все рассмеялись, и в сарае сразу стало уютней.

Белов вздохнул: – Господи... Весь цвет русской армии собран в одном бараке...

Они ещё не знали, что орудийные залпы – предвестники Новороссийской катастрофы⁹, после которой Добровольческая армия¹⁰ перестала существовать...

Разговор с Фроловым вернул Лавра в прошлое. Закутавшись в шинель, он лёг на сырое сено и, закрыв глаза, окунулся в воспоминания: – После ареста Людмилы он ездил к ней в Сибирь четыре раза, но выстрел в Сараево¹¹ поставил жирный крест на их планах. Европа, пережившая ряд политических кризисов и военных тревог, принялась воевать. Он сразу же подал прошение в действующую армию. Коллеги не отговаривали, понимали, что бесполезно. Только Пришельцев¹², наполнив до краёв рюмку, сказал: – Лавр Павлович, вы, прежде всего, сыщик. Бог щедро наградил вас этим талантом. Не зарывайте его в землю. Война рано или поздно закончиться, а преступники останутся. Мы будем ждать вас с победой!

На следующий день, после отходной в ресторане гостиницы «Центральная», он уже ехал в литерном эшелоне, на-

правлявшемся на Юго-Западный фронт. В бою под Хотин-ном, когда неожиданно с фланга по пехоте ударил пулемёт, Лавр мгновенно оценил ситуацию и, определив сектор огня, на коне преодолел опасную зону. Уничтожив расчет метко брошенной гранатой, он зарубил ещё двоих, оставшихся в живых, гонведов¹³. После боя генерал Келлер лично прицепил ему Георгия на грудь, и дал под командование эскадрон. Солдатская удача сопутствовала ему, но во время Брусилов-ского прорыва, она на мгновение отвернулась, и две пули во-шли ему в бедро. После лазарета он собирался вернуться в родную часть, но штабной писарь, перепутав Лавра Павло-вича Ермакова с каким-то неведомым Леонидом Павлови-чем Ермоловым, загнал его на Кавказский фронт, куда он попал, когда там уже наступило затишье. Благополучно до-ждавшись Эрзинджанского перемирия¹⁴ Лавр уже предвку-шал возвращение домой, но фортуна окончательно поверну-лась к нему спиной. Его эшелон попал в Шамхорскую рез-ню¹⁵. Он получил пулю в грудь и чудом выжил.

Голос Фролова вернул его в реальность: – Полагаю, един-ственный вариант, ночью выбраться через крышу, убрать ча-сового и в лес.

– Согласен, – ответил Белов. – Сейчас около трёх часов... будем ждать.

***

Дверь резко распахнулось, и весёлый голос громко произ-

нёс: – Выходи господи офицера, на революционный суд!

Они вышли, и шестеро солдат повели их под конвоем к избе, около которой стоял часовой в обмотках, чёрных брезентовых штанах и офицерском френче со споротыми знаками различия. Неожиданно один из конвоиров остановился и положил руку на плечо Подбельцеву: – Погоди вашбродь, скидавай сапоги!

– Зачем? – недоумённо спросил корнет.

– А затем, – деловито пояснил солдат – Я сейчас в караул заступаю. Тебя, знамо дело, в штаб к Духонину¹⁶ отправят дослуживать, и сапоги неизвестно кому достанутся. А в плен тебя я брал, значит, они мои по праву, – и, подтолкнув его штыком, угрожающе клацнув затвором, злобно добавил: – Давай, давай, не тяни время, или помочь тебе треба?

– Ты что, скотина, делаешь! – крикнул Лавр в бешенстве, и резко развернувшись, хлёстко ударил солдата в лицо. От неожиданности все застыли. Солдат медленно поднялся, сверля Лавра глазами, размазал кровь по лицу и вдруг проревел: – Ах ты ж сволота, контра белая! А ну в штыки их! – и, выполнив на удивление грамотно ружейный приём «С выпадом, длинным – коли!», ударил штыком. Лавр отклонился, ушёл от воронёного жала и, схватив трёхлинейку¹⁷ за ствол, резко ударил его ногой в живот. Вырвав винтовку, он перехватил её и уже изготавился к бою, но услышав стук копыт, невольно обернулся и не заметил, как один из конвоиров, занёс над его головой карабин. Крик – «Прекратить!», вы-

стрел и удар окованным металлом затыльником приклада по голове сошлись в одной точке вселенной, и Лавр провалился в пустоту...

***

Ощущение себя в пространстве происходило постепенно. Он увидел мутную грязно-серую, слегка плавающую перед глазами пелену и сообразил, что это саманный потолок. Затем услышал старческий надтреснутый голос: – Товарищ комиссар, это всего лишь обычное сотрясение мозга. Затылочная кость цела, шейный отдел, на первый взгляд, без смещения. Он должен скоро прийти в себя. Ночь понаблюдаем, а утром милости прошу. Сегодня вы вряд ли сможете общаться.

Дверь негромко хлопнула, Лавр попробовал повернуть голову, но движение отозвалось в голове резкой болью. Ощущение было таким, как будто мозг превратился в один большой раскалённый булыжник, который плавает в черепной коробке сам по себе.

– Отлично! Мы уже пришли в себя! – раздался уже знакомый голос.

Он попытался скосить глаза, но даже это незаметное в обычной жизни движение вызвало боль. Опустив веки, он бессильно откинулся на подушку.

– Лежите спокойно и не шевелитесь. Вас не тошнит?

Лавр улыбнулся: – Нечем...– и, почувствовав над собой лёгкую тень, медленно приоткрыл глаза.

Пожилой человек в белоснежном на удивление халате и шапочке, посверкивая стёклышками пенсне, доброжелательно улыбался: – Давайте-ка, батенька, попробуем встать. Только медленно! Сначала повернитесь на бок.

Лавр осторожно встал. Его шатнуло в сторону, и он ухватился за спинку кровати.

– Прекрасно! – сказал врач. – Попробуйте медленно повернуть голову. Нигде не болит? Теперь нагните её вперёд.

Он быстро, прохладными пальцами, ощупал его шею, приговаривая – С3, С4¹⁸ в порядке, пятый, шестой тоже, слава Богу, в норме, – и поднял вверх палец, – следите, за ним, не поворачивая головы!

Поводив им в разные стороны, он приблизил его к кончику носа и убрав, удовлетворённо произнёс: – Незначительный горизонтальный нистагм¹⁹ имеется, что, впрочем, и следовало ожидать. Я больше всего опасался хлыстовой травмы²⁰, но Бог миловал! Полагаю, через недельку вы будете практически здоровы.

– Где я нахожусь? – он обхватил обеими руками голову и, не зная как обращаться к врачу, вопросительно поглядел на него.

– Вы находитесь в полевом лазарете 8-й Армии РККА²¹, а я ваш лечащий врач – и, вздохнув, добавил – губернский врачебный инспектор Курской губернии, доктор медицины Дмитрий Анатольевич Раев, ваш покорный слуга.

– Как же вас занесло в наши палестины?

Дмитрий Анатольевич снова вздохнул: – Война... Все смешалось в доме Облонских²², – он повернулся к стеклянному дребезжащему столику и начал готовить шприц, – сейчас я сделаю инъекцию, вы заснёте, а утром вам будет гораздо лучше.

***

Доктор оказался прав, утром Лавр чувствовал себя значительно бодрее. Голова ещё слегка кружилась, но мозг уже не бултыхался, а сидел тихо, лишь иногда напоминая о себе лёгкой болью. Ему принесли миску пшённой каши и кружку с морковным чаем. Он с аппетитом поел и потянулся за папиросой.

– А вот от курения настоятельно рекомендую воздержаться, – произнёс Дмитрий Анатольевич, который внимательно за ним наблюдал, – вас не тошнит от приёма пищи? Это очень хороший признак! Дайте организму прийти в норму.

В дверь просунулась лохматая голова: – Доктор, пленную контру комиссар к себе требует.

Они вышли на узенькую сельскую улицу. Через два дома Раев остановился и указал на приземистую избу с красным флагом, криво прибитым к козырьку: – Вам сюда. Назад дорогу найдете?

Лавр усмехнулся: – Если доведётся... Но при любом стечении обстоятельств, я вам весьма признателен за верность клятве Гиппократы.

Он, не оборачиваясь, поднялся по трём скрипучим ступенькам, резко выдохнул, открыл дверь и шагнул в хату.

— Здрав...— у него перехватило дыхание, ноги вдруг стали ватными и он прислонился к косяку, не в силах шагнуть вперед. За столом в кожаной куртке, кубанке с красной лентой и маузером в тяжёлой деревянной кобуре сидела Людмила. Она подошла к двери, не торопясь, заперла и вдруг, резко повернувшись, обхватила Лавра за шею и неожиданно навзрыд по-бабьи заплакала: — Господи! Слава Богу, живой! Я же случайно назад вернулась, папку с постановлениями Реввоенсовета²³ забыла. Чудом успела в воздух выстрелить!

Слезы ручьём текли по лицу, спазм перехватил горло, и Лавр никак не мог взять себя в руки: — Дай воды...— сдавленно произнёс он.

Наконец они пришли в себя и сели за стол. Людмила налила чаю: Через два месяца после начала войны я вернулась из ссылки домой. Успела получить от тебя письмо, где ты писал, что отправляешься в действующую армию и всё...

— Я писал тебе с фронта, на сибирский адрес, надеялся, что письма перешлют. В 1918 году, в мае, приехал в Армавир, хотел найти твоих родителей, но мне сказали, что они уехали, а куда никто не знал.

Она горько усмехнулась: — В мае 18 — го они уже были в Вене, там у нас... — Людмила запнулась, — у них небольшая недвижимость. Был жуткий скандал, когда я наотрез отказа-

лась с ними ехать. Отец меня проклял, – она помолчала, – наверное, это были самые тяжёлые дни в моей жизни.

– Господи... Людмила! Как ты оказалась в Красной Армии? Вот это всё... – он показал рукой на кожанку, маузер и стоящую в углу лёгкую шашку с серебряным набором, – откуда? Зачем?

– А где я должна была оказаться? – она искренне удивилась – Я в партии с 1906 года, прошла ссылку! Моё место здесь, среди товарищей. Лучше скажи, что ты здесь делаешь? Впрочем, можешь не отвечать, пробирался в Новороссийск?

– Да, – коротко ответил Лавр, и дёрнув щекой заросшей недельной щетиной, продолжил, – да, я пробирался в Новороссийск, чтобы уехать из этого ада, где с меня, боевого офицера, сорвали погоны и затоптали их в грязь на моих глазах. Где солдаты подняли на штыки полковника, который всю свою ратную жизнь пёкся об их благе и ел с ними из одного котелка! Не знаю, что я буду делать на чужбине, но здесь я оставаться не хочу! Я подданный Российской империи, которой более не существует ни в политическом, ни в физическом смысле. Есть территория под названием Евразия..., а ей я не присягал!

Спокойно выслушав гневную тираду, Людмила, не повышая голоса, произнесла: – В Новороссийск ты уже не успел. Сегодня утром последний корабль вышел из порта. То, что осталось от Добровольческой армии, кажется, Зюнгарский полк и остатки донцов эвакуированы в Крым, к Врангелю, но

мы их и там достанем. Пойми..., белое движение – как единая боевая единица перестало существовать. Донские, кубанские и терские казаки приняли условия капитуляции. Давай, Лавр, вместе строить новую, свободную жизнь. Твоё будущее здесь, в России. Нет Российской империи, – в голосе проскакивали незнакомые Лавру интонации – Но есть Россия, которую надо поднимать с колен и выводить из разрухи, и вот ещё... – её голос вдруг смягчился, а глаза предательски заблестели. Она раскрыла папку и достала небольшую фотографию: – Это твой сын.

Ему показалась, что он ослышался: – Сын??? Господи, почему ты молчала?

– Я не молчала, а сказала тебе при первой же встрече, – она улыбнулась и сразу же превратилась в прежнюю Людмилу из прошлого. – Теперь как дворянин, офицер и просто порядочный человек вы обязаны на мне жениться!

Лавр долго молчал, осмысливая услышанное: – Как его зовут?

– Виктор. Он у моей тёти в Армавире. Чудесный мальчуган, и со временем будет очень похож на тебя. Насчёт женитьбы я, конечно же, пошутила.

– Я не смогу без тебя, – тихо сказал он. Людмила встала, подошла к нему сзади, обняла, прижалась к его затылку и тихо сказала: – Я тоже, но ведь ты хочешь бежать из России...

Лавр помотал головой: – Не знаю... ничего не знаю, но потерять тебя снова я не смогу...

Она поцеловала его в макушку, вернулась на свое место и, положив по-мужски сжатые в кулаки руки на стол, сказала: — С женитьбой, до победы мировой революции, мы подождём. Давай подумаем, как жить дальше?

— Не знаю, — он снова покачал головой — Но воевать против своего народа не буду.

— А защищать будешь? — спросила Людмила — Меня, Витюшку, родных, землю, на которой ты вырос?

Лавр не успел ответить. В дверь постучали, и на пороге появился красноармеец: — Разрешите, товарищ Донская? Командир второго эскадрона до вас послал. Личный состав на занятия для изучения Азбуки Коммунизма²⁴ собран.

— Сейчас иду, — ответила она, и встала, расправив гимнастерку, — что у нас сегодня?

— Параграф № 49. Там про... это ... — он собрал лоб в гармошку и через мгновение радостно выпалил: — Вот! «О материальной возможности осуществления прав рабочего класса», а потом эскадронный про положение на фронтах расскажет.

Людмила посмотрела на Лавра, боец по своему расценил её взгляд и потянул из кобуры наган: — А их благородие я сейчас, в карцер возвращу и караул приставлю.

— Лавр Павлович Ермаков, старый проверенный товарищ, и в конвое не нуждается, — она строго взглянула на него, — свободен, скажи, что через пять минут начнём.

Когда дверь закрылась, Людмила выдержала паузу, и как

о решённом, сказала: – Я на политчас, а ты подумай о том, что будем делать дальше. Прежде всего, надо решить, что ты делал по дороге в Новороссийск.

Затем достала из стола папиросы, положила сверху фотографию сына, чмокнула его в щёку и вышла.

Лавр закурил и взял фотокарточку в руки. На него смотрел, насупив сросшиеся брови, вихрастый белобрысый мальчуган в светлой рубашке и длинных штанах с помочью через плечо. «Я тоже в детстве блондинистый был», – мелькнула мысль, и на мгновение, неведомая сила перенесла его в прошлое. Он вдруг отчетливо ощутил запах нагретого южным солнцем разнотравья и голос матери: – Лавруша, давай быстренько домой! Обед стынет!

Из-под крепко зажмуренных глаз покатались слёзы. Лавр вытер их и судорожно затянулся. Прошрое не отпускало... Мать, отец, бабушка, двоюродный брат, погибший под Перемышлем. Он явственно видел их лица и слышал до боли знакомые голоса.

Звук хлопнувшей двери разорвал цепь воспоминаний и вернул его в реальность. Людмила села за стол, налила себе чаю и, сделав несколько глотков, спросила: – Скажи Лавр, у тебя есть или может, были родственники в Новороссийске?

– Почему были, у меня там тётя, мамина сестра, – он взял в руки фотографию и вопросительно посмотрел на неё, – я оставляю себе?

– Да, конечно... – кивнула она, – ты знаешь её адрес?

– Знаю. Это для того, чтобы объяснить моё появление?

– Правильно, – и пристально посмотрев на него, спросила – скажи Лавр, только честно, ты у белых не служил? Это буду знать только я.

– Нет, – твердо ответил он и, не дожидаясь очередного вопроса, продолжил, – в январе меня ранило под Шамхором. Как только в марте встал на ноги, сразу начал пробираться на Кубань.

– А что в Баку не остался, говорят очень красивый город?

– Красивый, но там образовался какой-то вакуум власти.

Людмила удивленно вскинула брови: – Это как?

– Дашнаки²⁵, мусаватисты²⁶, эсеры²⁷, Бакинский совет...

Я не мог, да и не хотел разбираться в этом бедламе. Шаумян²⁸ вроде бы создал коалицию между большевиками, армянами и мусульманами, однако она продержалась недолго. Вернулся домой, мама не дождалась, родственники неизвестно где. Попытался найти тебя. Работал, где придётся. Думал, что всё успокоится, а когда надежды закончились, решил бежать, – он закурил и твёрдо добавил – воевать я не буду!

– Я тебе воевать не предлагаю. Вернее предлагаю, но против тех, кто враги любого строя. Я хочу, чтобы ты вернулся в уголовный розыск.

Лавр усмехнулся. Она подняла руку и, предупреждая его, продолжила: – Молодой стране нужны профессионалы. Кругом разруха, у народа на руках огромное количество оружия.

Волна преступности, поднятая амнистией Керенского²⁹, не спадает. Его птенцы разлетелись по всей стране, и многие из них прилетели на юг. Сегодня ситуация изменилась. Если раньше большинство бывших полицейских было уволено и их место заняли неопытные солдаты, студенты и молодые рабочие, то сейчас правительство положительно относится к возвращению опытных и грамотных сотрудников. Так где живёт твоя тетя?

– В центре, в доме 63 по Серебряковской³⁰, Волощенко Галина Григорьевна. Преподавала историю в гимназии.

– Завтра я подготовлю рекомендательное письмо, подпишу у комполка, и выпишем тебе пропуск в Екатеринодар. Там явишься к председателю ревкома³¹... и в бой!

– Скажи, а где Хельга?

Ее губы зло искривились: – Эта эсеровская сучка в Цюрихе, ещё в 18-м с Русановым³² сбежала... Хорошо бороться за счастье народа, который голодает, жуя швейцарский сыр и шоколад! Кстати, а где Викентий?

– Не знаю – покачал головой Лавр, – я потерял его ещё в конце 1916 года, Кто-то говорил, что его видели в Женеве.

***

– Он же беляк! Пробирался в Новороссийск! – комполка потёр виски руками, – как ты можешь за него просить! Не понимаю! Где твое классовое чутьё, товарищ Донская?

– В первых не беляк, а офицер русской армии, как впро-

чем, и ты. Во вторых, он шёл в Новороссийск, к тётке. В третьих, я его знаю с 1907 года, он ничем себя не запятнал. Когда я была в ссылке, Ермаков не прерывал со мной отношений, а это о многом говорит. Вспомни декрет 1918 года, когда стали брать в армию бывших офицеров³³. Война скоро закончится, а бандиты останутся. Забыл о бубновом терро-ре в Чите³⁴? У нас этой сволоты не меньше, ты, что ли их ловить будешь?

– Партия скажет, буду! Вот этой рукой, – он потряс жилистым кулаком, – расстреливать буду!

Людмила весело рассмеялась: – Чтобы расстрелять, сначала поймать надо, а ты можешь только шашкой махать! Сколько ты уже воюешь?

– С 1914 и ещё на японской успел побывать, – угрюмо ответил комполка.

– Вот скажи, что такое дактилоскопия? – улыбнулась Людмила, и не дожидаясь ответа, сказала, – пойми, Евгений Макарыч, новой России, нужны старые специалисты, пока своих не обучим, – и мягко добавила, – подпиши!

Он взял бумагу и прочёл вслух: – Товарищ Л.П. Ермаков командировается в г. Екатеринодар для работы в рабоче-крестьянской милиции, – подперев голову, Евгений Макарович хмыкнул, – товарищ, мать его так! Как хоть зовут этого товарища?

– Лавр Павлович.

– Тьфу..., черт его дери, прям как Корнилова³⁵! Слава Богу, хоть не Георгиевич, – помотав головой, он поставил размашистую подпись, тщательно подышав на печать, любовно оттиснул её на бумаге и протянул Людмиле: – Держи! Сама подписать не забудь!

***

Сильный пронизывающий ветер завывал за окном. Они пили чай и молча смотрели друг на друга. Лавр, наконец, решился задать вопрос, который мучил его всё это время: – Люда, что стало с моими друзьями?

– Их расстреляли, – спокойно ответила она и, не отводя взгляда, продолжила, – людей, с которыми ты случайно встретился по дороге в Новороссийск, когда шёл в своей родственнице, расстреляли как врагов революции.

От неожиданно спокойного тона Лавр поперхнулся чаем: – Каких врагов революции? Что ты говоришь! Они пробирались в Новороссийск просто, чтобы уехать! Неужели их нельзя было отпустить с миром?

– Они военные преступники и не имели права покинуть Россию, не ответив за содеянное. Подполковник Иващенко и подпоручик Фролов – офицеры деникинской контрразведки, Я думаю, тебе не надо рассказывать, что это такое. Твой попутчик, ротмистр Головин, был правой рукой Каппеля³⁶. Под его руководством живьём заморожено огромное количество мирных жителей. Их, по его команде выводили на мороз голыми и поливали водой, пока живые люди не превра-

щались в статуи. Они называли это «методом замораживания», и оставляли этот ледяной ад для устрашения населения и бойцов наступающей Красной Армии, – она перебрала бумаги на столе. – у полковника Белова, старшего офицера генерального штаба в подкладку было зашито письмо для «Русского комитета Северо-Запада»³⁷. Он пробирался в Берлин, а гусар Подбельский собирался не в Константинополь, а в Крым, к барону Врангелю. У него, кстати, тоже было рекомендательное письмо. Ты оказался в компании махровых контрреволюционеров, которые под маской спасения Родины, хотели воткнуть нам штык в спину.

– Я тоже был с ними, – глядя в пространство, упрямо сказал Лавр.

– Ты ехал к родственнице, запомни это раз и навсегда, – строго ответила Людмила и усмехнулась, – к счастью она жива, здорова, и проживает там же.

– Вы уже успели проверить? – он вскинул голову.

– Конечно... Зато теперь за тебя я спокойна, и вот ещё...

– Людмила на секунду запнулась, – никогда и никому не говори о том, что у нас с тобой есть Витюшка, – она, предупреждая вопросы, подняла вверх ладонь, – пока не говори, придёт время, все успокоится, и мы будем вместе.

– А победа мировой революции? – грустно спросил Лавр.

Она не ответила, а подошла и закрыла ему рот долгим горячим поцелуем. Лавр понял, что победа над мировым капиталом отодвигается на неопределённый срок.

Утром, покормив его завтраком, она сказала: – В 11.20 товарный идёт на Екатеринодар. Как раз успеешь...

– Когда я тебя увижу? – спросил Лавр.

– Не знаю... Надеюсь, что скоро. Я тебе буду писать до востребования, а ты мне, – Людмила набросала на листке бумаги несколько строк, – вот на этот адрес. И ещё... – добавила она после небольшой паузы – тетя Таня живёт на Николаевском проспекте в 32 доме, недалеко от армянской Успенской церкви. Её фамилия Скворцова, а Витюша – Донской. Но это так, на всякий случай. Вот, возьми, – она протянула ему потрёпанный солдатский сидор³⁸: – Это тебе еда в дорогу, а вот мандат, смотри, не потеряй! Как приедешь, сразу с вокзала в ревком. Я скоро должна быть в Екатеринодаре, буду искать тебя в розыске, – и крепко обняв на прощанье, оттолкнула от себя – иди милый! Всё будет хорошо!

Лавр вышел со двора и, пройдя с десятков шагов, обернулся. Около избы с красным флагом на коньке, вытянувшись во фронт, стоял часовой. Лица он разглядеть не смог, но по глазам как бритвой резанули металлические розетки на голенищах его щегольских сапог, которые ярко поблескивали на полуденном солнце. Он сплюнул. Плевков покатился серым шариком по придорожной пыли. Лавр вздохнул и, не оборачиваясь, пошёл к железнодорожной станции, которая виднелась неподалеку.

***

Выйдя на привокзальную площадь, Ермаков огляделся.

Везде были видны следы недавних боёв. Под деревом валялась убитая лошадь, над которой уже вились жирные зелёные мухи, ветер трепал обрывки каких-то бумаг. На углу, из мешков, туго набитых песком, была обустроена огневая точка, вокруг которой россыпью поблёскивали гильзы. «Высокая плотность огня была», – подумал он, глядя на изрешеченные пулями мешки. На красной кирпичной стене аккуратно была приклеена бумага, на которой, издали, выделялось – «Приказ». Лавр прикурил, подошёл поближе и начал внимательно читать:

ПРИКАЗ³⁹

по гарнизону города Екатеринодара

№5

20 марта 1920 года

1.

Уличное движение разрешаю до 23.00 по местному времени, после чего движение по пропускам, выданным комендантом города.

2.

Всем командирам и комиссарам отдельных частей, принять решительные меры против безцельной уличной стрельбы вообще и в частности по аэроплану. Взыскивать буду с того начальника района, у которого производится стрельба.

3.

Командиру первой бригады № дивизии Михину немедленно организовать и произвести уборку на побережье р. Ку-

бани и прилегающего к ней районов от трупов животных, а также обозов брошенных противником. Необходимые для этого перевозочные средства получить от Коменданта города, для уборки привлечь рабочие баталионы. Места свалки трупов должны быть указаны представителем гражданской власти. Обозы поставить в порядке на одну из ближайших площадей, установив их охрану своим распоряжением.

4.

Конным командам держаться середины улицы, одиночным правой стороны, отнюдь не захватывая тротуара. За исполнением сего строго следить милиции и военным патрулям.

5.

Воздушные пираты противника производят налеты на город и сбрасывают бомбы, от которых страдает только мирное население. Для борьбы с налетами противника Начардиву № товарищу Барашкову приказываю в 24 часовой срок организовать воздушную оборону города по данным мною секретным указаниям.

6.

Командирам частей в своих работах высылать в общественные скверы и сады, ежедневные хоры музыки, игру которым разрешаю от 17-ти до 21-го часа.

7.

Всем командирам отдельных частей в суточный срок все обозы 2-го разряда вывести из города и расположить их за северной окраиной в районе садов.

Начальник Гарнизона Рыбалко

Военком Мерейно

— Гражданин, ваши документы! — обернувшись, он увидел солдата в потёртой шинели и солдатской шапке с красной лентой. Рядом стоял молоденький паренёк в чёрной тужурке и фуражке с железнодорожными молоточками на тулье. У обоих на рукавах белели новенькие повязки, на которых ярко выделялись большие чёрные буквы ГМ. На плечах висели винтовки с примкнутыми штыками, а у парня на поясе болтались две гранаты-бутылочки⁴⁰, привязанные за боевое кольцо, и револьвер в чёрной, морского образца кобуре, на длинных ремешках. Лавр молча, протянул мандат. Солдат взял его и начал читать вслух:

Председателю

Кубчероблревкома

тов. Я.В. Полуяну⁴¹

Направляем в Ваше распоряжение товарища Лавра Павловича Ермакова, для дальнейшей работы в розыскной милиции города Екатеринодара.

Товарищ Л.П. Ермаков, бывший чиновник сыскной полиции, имеет большой опыт работы. В добровольческой армии не служил. Недвижимости не имеет. Под судом и следствием не состоял.

Товарищ Л.П. Ермаков признает диктатуру пролетариата, сочувствует партии коммунистов и твёрдо верит в торжество

мировой революции.

Командир 2-го кавполка 8-й Армии РККА
товарищ Тихонов Е.М. член ВКП(б) с 1913 года.
Комиссар 2-го кавполка 8-й Армии РККА
товарищ Донская Л.Н. член ВКП(б) с 1906 года.
22 марта 1920 года.

– Вот оно, значит как... – уважительно сказал солдат, возвращая бумагу. – Следуйте дальше, товарищ Ермаков.

– Скажите, а где находится ревком? – он решил сократить название, боясь, что не сумеет выговорить его без запинки.

– На Крепостной площади, в начале Бурсаковской⁴², – ответил юноша в тужурке, – это...

– Я знаю, – остановил его Лавр, – там дворец Наказного атамана⁴³ –

– Вот аккурат там, ревком и располагается. А вы, никак, из местных будете?

– Да, – коротко ответил он и шагнул вперед, но солдату, видно, было тоскливо в патруле и очень хотелось поговорить.

– Вы, видать, и в Империалистическую воевали? –

– На Юго-Западном и на Кавказском фронтах, с 1914 года, – не удержавшись, добавил Лавр и, предупреждая дальнейшие расспросы, прощаясь коротко кивнул головой. Но солдат искренне обрадовался: – А я на Румынском, в пуле-

мётной команде геройствовал, слева от вас! А вы в каких частях служили?

– В кавалерии. Скажите, а что такое ГМ? – он кивком указал на повязку.

Солдат приосанился: – ГМ, это товарищ, городская милиция будет. Скоро и форму обещали пошить.

– Дай-то Бог, – сказал Лавр и, не удержавшись, повернулся к парню, – вы бы молодой человек, гранаты в карман убрали бы, если сумки нет, а то неровён час зацепитесь, скоба слетит, и через четыре секунды от вас ничего не останется.

– А почему через четыре...? – заинтересованно спросил паренёк.

Лавр вздохнул: – Это время горения замедлителя запа-ла, – пояснил он и строго посмотрел на солдата, – вы-то человек с опытом, войну прошли. Что ж не подскажите юноше, как граната работает.

– Ох, ты ж Господи! Верно! – солдат суетливо всплеснул руками, – а ну Лёшка, быстро снимай свои цацки, только гляди аккуратно! Да в карман положи!

Он вышел на Гоголевскую, пошёл по направлению к центру и, проходя мимо Базовской, невольно замедлил шаг. Вот в этом доме убили грузинского мануфактурщика вместе с работником, а в том жила хорошая девушка Татьяна Берёзки-на, которая очень любила рисовать. Он закурил, прикрывая огонёк от ветра, и подумал: «Наверное, не только преступника тянет на место преступления, но и сыщика на место

первого раскрытия».

Несмотря на то, что прошло больше десяти лет, картина давнего, канувшего в архивную лету убийства, встала перед глазами до мельчайших подробностей. Подгоняемый воспоминаниями, он дошёл до Дворца наказного атамана и остановился. Ему было хорошо знакомо это небольшое с красивым фасадом здание. Над парадным входом висело красное знамя, а под ажурным козырьком стоял часовой в старенькой шинели с прожжённой полою, но в ослепительно начищенных ботинках с обмотками. Весеннее солнце яркой искоркой играло на потёртом кончике воронёного штыка.

***

Лавр подошёл и молча протянул мандат. Часовой, шевеля губами, внимательно прочитал его и, откашлявшись, произнёс: – На второй этаж, третья дверь справа. Председатель ревкома товарищ Полуян там будут.

Войдя в просторный, не потерявший прошлого великолепия холл, Ермаков внимательно огляделся. Повсюду сновали люди в военной форме, с оружием и бумагами. Из кабинетов постоянно выходили и заходили люди.

– Ты меня подводами обеспечить! На чём я людей на работы вывозить буду? – разносился по коридору громкий голос. Он издали заглянул в распахнутую настежь дверь. Коренастый мужчина, в зелёных, подшитых кожей галифе и кожаной куртке, весь перетянутый ремнями, расхаживал по кабинету, цепляясь за мебель ногами шашки: – Подвод пят-

надцать как минимум надо! – убеждал он человека в защитном френче и тонких металлических очках, который страдальчески потирал виски: – Будут подводы, товарищ Резниченко, Сейчас, обожди немного, выпишу тебе наряд.

Не дожидаясь окончания разговора, Лавр направился дальше, но услышав диалог, доносившийся из соседнего кабинета, невольно приостановился. Высокая девушка в синем платье и красной кумачовой косынке, резко рубила ладонью воздух: – Вы поймите, товарищ, кружку эсперантистов⁴⁴ необходимо просторное помещение, а не конура, которую вы предлагаете! Наркомпрос⁴⁵ и лично товарищ Луначарский⁴⁶ придают этому огромное значение!

– У товарища Луначарского есть более важные задачи, – отвечал невидимый собеседник, – ликвидация безграмотности и беспризорность, вот над чем надо работать в первую очередь! А вы, товарищ Ершова, со своим эсперанто!

Девушка сорвалась на фальцет: – Как вы, ответственный работник, собираетесь делать мировую революцию, не обучив пролетариат и трудовое крестьянство международному языку! Ответьте мне прямо! Как коммунист – комсомольцу!

Ермаков вздохнул. Больше не отвлекаясь на доносившиеся отовсюду крики, он поднялся на второй этаж и остановился перед высокой дубовой дверью с приклеенной бумажной табличкой, на которой каллиграфическим подчерком было написано: «Председатель Кубчероблревкома товарищ Полуян Ян Васильевич».

Взявшись за резную медную ручку, Лавр замешкался: «Как к нему обращаться? Должность – язык сломаешь!».

Пока он напряженно думал, дверь неожиданно открылась, и с озабоченным видом, держа в руках коленкорovou папку с латунными уголками, из кабинета выбежал молодой парень, тоже в кожаном реглане, только галифе у него были не зелёные, а красные.

– Входите! – сидевший в глубине просторного кабинета человек приглашающе махнул рукой.

«В конце концов, обращение по имени и отчеству ещё никто не отменял» подумал Лавр и вошёл в кабинет. За столом, заваленным кипой бумаг, сидел молодой мужчина с простым крестьянским лицом, густыми усами, крючковатым носом и зачёсанными назад волосами. Высокий, с залысинами лоб и внимательный изучающий взгляд серых глаз, выдавали природный ум и проницательность.

– Слушаю вас! – произнёс Полуян и коротким жестом указал на стул.

Лавр принял строевую стойку и, представившись, протянул мандат.

– Присаживайтесь, Лавр Павлович, – бросив быстрый взгляд на бумагу, сказал Ян Васильевич, и скупой улыбнулся, – в ногах правды нет.

Прочитав мандат, он поднял глаза и несколько секунд внимательно рассматривал Ермакова: – Скажите Лавр Павлович, – сказал он, побарабанив пальцами по столу, – всё,

что здесь написано, правда?

– Да, – коротко ответил он.

– Люди, которые подписали ваш мандат, видели вас впервые. Почему они вам поверили?

– Меня лично знает товарищ Донская, – медленно ответил Лавр, и, прекрасно понимая, что следующим вопросом будет «Откуда вы её знаете?» продолжил: – Мы знакомы с 1907 и поддерживали связь до 1917 года. У нас были дружеские отношения. Прежде чем выдать мне этот документ, они проверили достоверность представленных мною сведений.

– Ну что ж, – улыбнулся Полуян, – будем считать ответ исчерпывающим. Они указывают, что вы мастер сыскного дела, это правда?

Лавр улыбнулся в ответ: – Я служил в сыском отделении и полагаю, что зарекомендовал себя только с положительной стороны. Когда я уходил на фронт, начальство настоятельно просило меня по окончании войны вернуться в сыск.

– Ну что ж, думаю, товарищи Инденбаум⁴⁷ и Давыденко⁴⁸ не будут возражать против опытных сотрудников, – взяв перо, он что-то размашисто написал на мандате, и передал Лавру. Затем встал из-за стола, и крепко пожав ему руку, добавил – Идите товарищ Ермаков сразу на Карасунскую 75, там отделение уголовного розыска. Вас и разместят и продпаек дадут.

Кивнув головой на прощанье, Лавр повернулся и направился к двери.

– Лавр Павлович, – неожиданно сказал Полуян, – ответьте, пожалуйста, на один вопрос. В мандате указано, что вы верите в торжество мировой революции. Откуда у вас эта уверенность?–

Лавр слегка помедлил с ответом: – Если партия большевиков, смогла установить Советскую власть в одной из самых великих держав, победив развитые капиталистические страны, то я полагаю, она найдёт силы организовать освободительное движение во всём мире.

– Прекрасный ответ, Лавр Павлович, Я надеюсь вы понимаете, какая сложная обстановка в Екатеринодаре. Ваше умение и опыт будут очень кстати. Я искренне желаю вам успешной службы.

Ермаков поблагодарил лёгким кивком и прикрыл за собой дверь. Выйдя из здания, он достал мандат и прочел резолюцию, написанную размашистым, но легко читаемым подчерком. «Тов. Р.Т. Шипулин⁴⁹, направить предъявителя для работы в отделение уголовного розыска. Поставить на все виды довольствия».

***

В раздумьях Лавр подошёл к одноэтажному кирпичному зданию. « Вот я и красный сыщик», – усмехнулся он про себя, и толкнув приветливо скрипнувшую дверь, уверенно вошел во внутрь.

После ревкома в уголовном розыске было непривычно тихо. Прислушавшись, он услышал за одной из неплотно при-

крытой двери, стрёкот пишущей машинки. Лавр постучал и, не дожидаясь приглашения, вошел. За стареньким «ундервудом»⁵⁰ сидел молоденький паренёк в синей гимнастёрке и, высунув от напряжения кончик языка, что-то увлечённо печатал. Лавр кашлянул: – Здравствуйте, товарищ, – уверенно произнёс он и протянул мандат. Парень, привстав со стула, взял бумагу, внимательно прочёл, и широко улыбнулся: – Значит, будем вместе работать. товарищ Ермаков, очень рад! Милиционер второго разряда Ванин⁵¹, прикомандирован к угро, – он откашлялся и протянул руку, – Николай Акимович я, только вам, наверное, к начальнику надо, а они все на выездах. Но к нам приехал младший помощник начальника, заведующий резервом областного угрозыска⁵². Сидит через кабинет, с личными делами работает. Вы зайдите к нему, толковый вроде дядька.

– Спасибо! – Лавр от души пожал протянутую руку, парень ему определенно понравился, – пойду, загляну к толковому дядьке!

Он подошёл к двери, привычным движением расправил френч и коротко постучал.

– Да, да! Прошу Вас! – раздалось в ответ.

У Лавра неожиданно похолодели ладони и судорожно искривилось лицо. Он рывком распахнул дверь. За столом, заваленным серыми канцелярскими папками с разлохмаченными тесёмками, сидел Пришелецев.

Когда Лавр вернулся в реальность, он уже стоял посреди кабинета и, уткнувшись лицом в старенький пиджак Александра Петровича, пытался незаметно смахнуть с лица катившиеся крупные слезы.

– Полно, полно... Лавр Павлович! – приговаривал предательски дрожащим голосом Пришелецев, поглаживая его по спине.

Потом Ермаков часто вспоминал эту встречу, но никак не мог вспомнить, когда Александр Петрович вышел из-за стола и как он оказался в центре кабинета.

Наконец, успокоившись, они сели за стол. Пришелецев почти не изменился, только усы и голова слегка поседели, а вокруг глаз и на лице резче обозначились морщины. Он подпёр подбородок руками: – Рассказывайте, Лавр Павлович, свою одиссею... С нетерпением жду!

Когда Лавр закончил, Александр Петрович, со вкусом закулив, протянул ему пачку папирос: – Угощайтесь, это «Ира»⁵³, не удержался, купил на барахолке, – с улыбкой сказал он.

– Папиросы «Ира» – это все, что осталось от старого мира? – усмехнулся Лавр.

– Ну почему же, – улыбнулся в ответ Пришелецев, – мы с вами тоже остались.

– Александр Петрович, а как вы? Я признаться, не ожидал вас здесь встретить! Последний раз вы ответили мне на поздравление с Рождеством, но это было ещё в 16-м году.

– Любезный Лавр Павлович! Вы не представляете, как меня покидала судьба! После февральской революции, когда всё пошло прахом, моя дражайшая супруга, Вера Лаврентьевна, настояла на отъезде в Баку. Не помню, рассказывал вам или нет, что в приснопамятные времена, я был полицмейстером в Елисаветполе,⁵⁴ и она рассчитывала, что старые связи помогут нам обустроиться. У меня не было особого желания уезжать, но когда я понял, что пришедшие к власти не видят различий между политическим сыском и уголовной полицией, то согласился, Решающим аргументом, развеявшим мои сомнения, были дочери, и в мае 1917 мы уехали.

– Татьяна и Елена, если не ошибаюсь? – улыбнулся Лавр.

– Да, да именно так! У вас прекрасная память!

– Благодарю, а Анатолий? Кажется, так звали вашего сына? – с лёгким напряжением спросил Лавр, потому что по возрасту, сын его бывшего, и вновь обретенного начальника, вполне мог бы воевать на каком-либо из фронтов и неизвестно, на чьей стороне.

– О нём чуть позже... – подняв ладонь вверх, с улыбкой сказал Александр Петрович, – так вот, в Баку нас приняли очень хорошо! Помогли и с работой, и жильём, но через некоторое время волнения докатились до южных окраин. Свержение царизма там прошло бескровно, а потом ситуация осложнилась межнациональными распрями и английской интервенцией. Мы оказались между двух огней, а когда те, кто нам помогал, эмигрировали в Турцию, супруга насто-

яла на возвращении. Решающую роль сыграл мой сын.

Лавр удивленно поднял брови.

– Да! Именно он! Анатолий уже был начальником связи 12-й Красной кавалерийской дивизии и убедил нас вернуться в Екатеринодар. Но к нашему приезду город был в руках белых. Вначале, не буду скрывать от вас, я был рад этому обстоятельству, но потом понял, что это уже совсем не то... С огромным трудом мне удалось устроиться комиссионером в гастрономический магазин Гайтани, на Красной⁵⁵.

– А как вы попали в милицию?

– Совершенно случайно! В магазине, когда я разгружал подводу с колбасами, меня увидел Борткевич⁵⁶. Вы должны помнить Владимира Ивановича, он служил у нас старшим сыщиком.

– Удивительно... – покачал головой Лавр – Классовая борьба, рушатся старые устои, а в милицию берут бывших полицейских.

– Ничего удивительного, батенька! Большевики далеко не глупые люди, уж поверьте мне на слово! Они прекрасно понимают, что без профессионалов не смогут обуздать вал преступности, который захлестнул страну, но об этом позже. Сейчас мы с вами пойдем обедать!

Пришелецев выглянул в коридор: – Николай Акимович, если меня будут спрашивать, будьте любезны, скажите, что я повёл товарища Ермакова на обед и обустройство.

– Обязательно, Александр Петрович! – крикнул в ответ

Ванин, не отрываясь от пишущей машинки.

***

Выйдя на улицу, они неспеша направились в сторону центра. Опираясь на трость, украшенную серебряным орнаментом, навстречу шёл пожилой человек в ветхом летнем пальто. Пришельцев приподнял шляпу: – Доброго дня, Александр Максимович...

Прохожий, остановившись, учтиво ответил на приветствие, и медленно пошёл дальше.

– Знакомый из прошлой жизни? – спросил Лавр.

– Не угадали. Из новой, хотя и в прошлой жизни, мы были знакомы, правда, не близко! А жаль! Это надворный советник Виноградский Александр Максимович, бывший хозяин дома, где сейчас квартирует уголовный розыск⁵⁷. Дом национализировали, и он с супругой проживает во флигеле во дворе. Там раньше жил дворник, – Пришельцев вздохнул и, помолчав, добавил – милейший человек, скажу вам откровенно.

– Скажите, Александр Петрович, вы не знаете, где Карабанов и Воропаев?

– Карабанов ещё в конце 1917-го уехал в Липецк, там у них родственники жены, а Воропаев, – Пришельцев вздохнул, – с ним плохо. При первом штурме Екатеринодара, в марте 1918, белые неожиданно прорвались к центру города⁵⁸. Что творилось в этот момент, я думаю, вы можете себе представить! Неразбериха полная! Его супруга, как на-

зло, в эту ночь пошла помогать повивальной бабке, принимавшей роды у её кузины. Как он отпустил одну, ума не приложу! – пожал плечами Пришельцев. Он остановился, раскурил погасшую папиросу и несколько раз глубоко затянулся: – Когда она возвращалась, её затянули в подворотню и надругались. Варвара Семёновна добралась до дома, приготовила супругу завтрак, написала прощальную записку и повесилась в дровяном сарае. Пётр Семёнович очень тяжело перенёс её смерть. Кто-то ему сказал, что эту мерзость сотворили большевики, хотя я полагаю, что это сделали самые обычные уголовники. Эта публика никогда не упустит ситуации, чтобы пограбить брошенные дома или, под шумок, совершить пару грабежей состоятельных жителей.

Лавр вздохнул: – Господи, несчастная женщина! Даже сорокоуст⁵⁹ не закажешь.

Пришельцев печально покивал головой: – Увы! К сожалению, церковь запрещает приношение и молитву за самоубийц. Считается, что они сознательно отторгли себя от общения с Богом. Но самое ужасное, что Воропаев, опытный сыщик, напрочь отверг участие уголовного элемента. У него засело в голове, что это сделали красные. Похоронив супругу, он, не дождавшись сороковин, исчез из города. Я слышал, что его видели у белых. Мне это рассказал Борткевич.

– Ох, уж эта война! Что ты сделала с родом человеческим, – сказал Лавр.

– Смею вам напомнить, любезный Лавр Павлович, что

Мокрецов, Полюндра и иже с ними, творили свои мерзкие дела в мирное и очень спокойное для Российской империи, время.

Незаметно они вышли на Красную. Пришельцев уверенно повернул в сторону Сенного рынка, и, пройдя пару кварталов, потянул спутника под арку: – Нам сюда! Говорят, здесь неплохой трактир!

Они вошли в небольшой, но чистый зал и сели за стол: – Две шубки, солёненького чего-нибудь, ну и ... – он прищёлкнул пальцами.

– Графинчик чего-с? – понимающе спросил официант.

– Коньяка!

Лицо официанта печально вытянулось: – Помилуйте сударь! Коньяка уже давно не имеем-с!

– А что имеем? – вздохнул Пришельцев.

– Самогон, но очень хороший! Двойной очистки!

– Хорошо! Пусть будет хороший двойной очистки.

– Александр Петрович, что вы заказали? Я не расслышал, – спросил Лавр.

– Революционная идеология проникла во все сферы жизни, в том числе и в кулинарию. Шуба⁶⁰ – это блюдо из селедки, свеклы, лука и картошки. Довольно необычное и вкусное! Уверяю, у Молоховец⁶¹ вы этого рецепта не найдёте. Думаю, вам понравится.

Официант появился неожиданно быстро. Легко лавируя между небольшими столами, он быстро расставил тарелки и

торжественно водрузил в центре бутылку коньяка.

Пришельцев удивлённо понял бровь: – Откуда сие диво-дивное?

– Презент-с от хозяина. Они вас, увидевши, наказали обслужить по высшему разряду. Сказали, что вы гости и всё за счёт заведения, – степенно ответил официант.

– А кто у нас хозяин будет?

– Петр Александрович Ноговицин, если что ещё пожелаете, милости прошу, – ответил он, и слегка поклонившись, отошёл.

– Ноговицин ... Это не тот ли...? – Лавр взглянул на Пришельцева.

– Именно тот. Благодаря которому мы вышли на банду Авдея, – сказал Александр Петрович, наполняя рюмки, – прошу вас! За встречу!

Улыбнувшись друг другу они чокнулись, и с удовольствием выпили. Попробовав новое блюдо, Лавр одобрительно хмыкнул: – Действительно вкусно!

– Вам не известна судьба Викентия Леонтьевича? – откинувшись на спинку стула и закулив, спросил Пришельцев.

– Я слышал, что он в Женеве, – ответил Лавр, продолжая дегустировать, явно понравившееся блюдо.

– Последний раз он писал мне из Ново-Николаевска⁶², это было после февральской революции. Как раз перед этим его отправили на трёхмесячные курсы в Санкт-Петербург. Я ещё удивился, как его туда занесло!

– Ничего удивительного, там у них была кое-какая недвижимость, доставшаяся в наследство от покойной бабушки. Они собирались продавать имение, но видимо, что-то не сложилось

– Раскидало нас, однако, по городам и весям... – вздохнул Пришелецев, вновь наполняя рюмки.

– Скажите, Александр Петрович, как строится сыскная работа? Я право не представляю, с чего начинать! Насколько я понимаю, бывшая система сломана?

– Правильно понимаете. Сейчас очень сложная ситуация. С одной стороны, огромное количество людей, привыкших убивать, свободный доступ к оружию, отсутствие стабильной работы и продовольствия. С другой стороны, страшная нехватка сотрудников, обладающих хотя бы элементарными знаниями. Разграбленные архивы и картотеки, и самое ужасное, – это отсутствие агентуры. Народ активно сотрудничает с милицией, но какую ценную информацию может дать простой обыватель? Я, например, не представляю, как можно осуществить какое либо оперативное действие, но... – он поднял вверх палец, – есть и положительная сторона. Это жадность к знаниям, непримиримость к преступному элементу и самое главное – готовность жертвовать собой во имя победы! Я уверен, что в недалёком будущем у нас будет сильная, хорошо обученная и действительно народная милиция!

Лавр подумал и, наконец, решился задать мучивший его вопрос: – Скажите, Александр Петрович, вы действительно-

но искренне верите в коммунистическую идею? – он помолчал, – или вы с ними от безысходности?

– Искренне, – твёрдо ответил Пришельцев, – безусловно, сначала меня одолевали противоречия, но когда я глубже ознакомился с их идеологией, то безоговорочно её принял! Посмотрите, в городе Советская власть не больше десяти дней, а уже налажена работа всех необходимых учреждений. Они сразу взялись за уборку города. Организовали работу больниц и фельдшерских пунктов. Заботятся о культурных ценностях. Вы читали декрет Совнаркома⁶³?

Лавр отрицательно качнул головой.

– Я вам потом покажу, – сказал Пришельцев, и продолжил, – в политике большевиков воплощена логика истории. На мой взгляд, это единственная партия, которая сможет вернуть России былое величие. Они сумели понять и уловить настроение народа, его интересы и чётко сформулировали свои программные положения, смогли показать людям верный путь к освобождению от пут. Народ не просто верит большевикам на слово, а сам творит историю. Лично меня привлекает их отношение к безграмотности! Вспомните, основная масса свидетелей и потерпевших не могли самостоятельно расписаться. И, обратите внимание! Интеллигенция, передовая, безусловно, повёрнута к ним лицом!

***

Оживленно беседуя, они незаметно дошли до здания уголовного розыска. Пришельцев вышел в коридор и принёс две

кружки кипятка: – Чай, правда, морковный, но за неимением гербовой, пишем на простой. Зато... – он вдруг улыбнулся, – есть настоящий сахар, – и, выдвинув ящик стола, положил перед ним три кусочка рафинада.

Лавр взял двумя руками горячую кружку, погрел ладони и с удовольствием отхлебнув чая, отдававшего соломой, спросил: – Скажите Александр Петрович, какая вообще криминальная ситуация в городе?

– Ужасная, – коротко ответил Пришельцев и протянул тонкую пачку бумаги, – за дежурные сутки в городе совершается в среднем 14-15 тяжких преступлений⁶⁴. Взгляните сами, это вчерашняя сводка.

Ермаков взял ее и начал читать...

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 28 МАРТА 1920 ГОДА⁶⁵ ПО ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ОТДЕЛЬСКО-ГОРОДСКОЙ

СОВЕТСКОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ

По улице Котляревской 52 четверо вооружённых людей ворвались в квартиру, совершили грабёж гражданки Варвароной Е.К. и изнасиловали 16 летнюю гр. Марию Василюк. Украдено золотых вещей на сумму 1 млн.400 руб.

На углу улиц Северной и Бурсаковской обнаружен труп неизвестного мужчины.

На садах в районе 13-го квартала по 1-й Угловой улице в саду гр. Геца обнаружен труп женщины с признаками надругательства и грабежа.

На улице Восточной (район садов) в саду гр. Бондаренко обнаружен труп неизвестного мужчины.

В садах неизвестные лица совершили вооружённый грабёж гр. Авксентия Игнатенко, украдено 300 рублей, упряжь, носильные вещи и чайник.

На углу улиц Кузнечная – Садовая произошёл взрыв. Погиб мальчик.

В доме № 48 по улице Котляревского на почве ревности (как следует из посмертной записки) из револьвера «смит-вессон» застрелился неизвестный гражданин.

На углу улиц Кирпичная-Рашипилевская обнаружен ограбленный труп неизвестного мужчины.

В Котляревском переулке за номером 15 в квартире 31 трое неизвестных совершили вооружённый грабёж гр. Галлактиона Лапариди. Взяты носильные вещи (шуба с бобровым воротником, женский салоп) 450 рублей бумажными деньгами, золотые женские украшения и 30 золотых царских червонцев.

На улице Краснодубинской 32 со стороны кладбищенских ворот обнаружен раздетый труп неизвестного мужчины с разбитой головой.

На улице Северная 22, в помещении Екатерининского местного лазарета ночью ворвались пятеро неизвестных, забрали лекарства и продукты. Надругались над санитаркой Елисеевой Валентиной 23 лет. Проходивший мимо военный патруль из двух человек попытался задержать злоумышлен-

ников, но они скрылись. В перестрелке тяжело ранен красноармеец Иван Васюта, помещён на излечение там же.

На Всесвятском кладбище, сторожем обнаружен труп неизвестного мужчины.

Все трупы отправлены в городскую кладбищенскую часовню.

Александр Петрович маленькими глоточками прихлёбывал чай и внимательно наблюдал, как он сосредоточенно читает исписанные неровным подчерком страницы.

– Однако, – произнёс Лавр, кладя сводку на стол, – восемь трупов за сутки, из них пять, явно погибших насильственной смертью.

– Самое страшное то, что смерть перестала быть событием, – вздохнув, ответил Пришельцев, – из таинства она превратилась в обыденность. Человеческая жизнь ничего не стоит.

– А почему все трупы отправляются в кладбищенскую часовню? Как же вскрытие? Установление причин и обстоятельств смерти?

– Некому вскрывать, – печально улыбнулся Александр Петрович, – вот именно этим мы с вами и займемся, я уже подготовил докладную записку.

***

Дверь громко хлопнула и в коридоре послышались голоса. Пришельцев подошёл к двери и приглашающе махнул рукой. В кабинет вошли двое молодых парней. Первый, повыше ро-

стом, был в потёртой тужурке и студенческой фуражке. На втором красовалась новенькая австрийская шинель без знаков различия, с большими костяными пуговицами, пришитыми разными нитками и кожаный мотоциклетный шлем с красной звездой.

– Знакомьтесь, это ваш новый коллега Лавр Павлович Ермаков. Лавр Павлович – опытный сыщик, и я думаю, вам будет чему поучиться.

– Из золотопогонников будете? – спросил обладатель австрийской шинели.

Лавр стинул зубы и на скулах заиграли желваки, но Пришельцев коротко взглянув на него, положил руку ему на плечо, и не изменив тона продолжил, – товарищ Ермаков – офицер русской армии и неоднократно поощрялся за личную храбрость. Я имел честь служить с ним в сыскной полиции и знаю его как профессионала высочайшего класса и глубоко порядочного человека. К нам он направлен по распоряжению председателя Ревкома.

Парень уважительно покачал головой и протянул руку: – Василий Плякин⁶⁶, младший агент.

Второй откашлявшись, обтер руку об тужурку, протянул её Лавру, и широко улыбнулся: – Ростовцев Семён Георгиевич⁶⁷, просто агент.

Его приветливость сняла напряженность, и все уселись за стол. Ростовцев потёр ладони: – Александр Петрович, титан горячий?

Пришельцев кивнул головой: – Да, за ним Ванин приглядывает.

Плякин встал и вышел в коридор. Лавр отметил, что Василий взял четыре кружки.

– А где Яков? – спросил Пришельцев. Ростовцев не успел ответить, как Плякин вихрем влетел в кабинет, поставил кружки на стол и дуя на обожженные пальцы, сказал: – Юх-но⁶⁸ на доклад к Прокофьеву⁶⁹ пошёл. Сегодня его очередь оперативную обстановку докладывать.

– Есть что доложить? – поинтересовался Александр Петрович.

– Да. Одна женщина, свидетельница ограбления в Котляревском переулке, там грека ограбили. Лапариди фамилия. Узнала одного из налётчиков. Она ездила в гости на хутор Черников, к сестре. Та в окошко показала ей двух мужчин. Один из них был Фёдор Пилюк – известный нам бандит. Он вместе с Григорием Момотом в одной упряжке. Так вот второй, кто был с Пилюком, участвовал в ограблении.

– Надо срочно ехать в Черников и брать этих гадов! – воскликнул Плякин.

Пришельцев покачал головой: – Группа Пилюка и Момота – это практически воинское формирование. Это бело-зелёная банда численностью больше тридцати сабель, разбросанная по разным хуторам и станицам. Днём они сидят дома как мирные жители, а ночью идут на разбой. Правда, есть информация, что они не гнушаются и дневными грабежами

– Лапариди ограбили среди бела дня, – кивнул Ростовцев.

– Ночью верховому попасть незаметно в город практически невозможно. Сразу нарвёшься на патруль. Они пробираются сюда днём, спокойно как простые обыватели, причем, я уверен, идут порознь. Совершив преступление, они пережидают где-нибудь неподалёку. На следующий день раскидывают награбленное по скупщикам и пустые возвращаются в банду. Затем через некоторое время доверенное лицо собирает деньги и передаёт их бандитам, – сказал Лавр, – вы барахолку и скупки отработывали?

– Да – неуверенно сказал Плякин, – спрашивали, кто приносил золото.

– В такой ситуации, когда в городе за сутки совершается до пятнадцати преступлений, – Лавр закурил, – надо действовать по-другому.

Ростовцев и Плякин заинтересованно, а Пришельцев с поощрительной улыбкой, смотрели на него, ожидая продолжения.

– Необходимо взять подробный список похищенного, желательно с детальным описанием, и, зайдя в скупку, проверить все имеющиеся золотые изделия. Таким же образом и на рынке. При обнаружении и опознании потерпевшими своих вещей, действовать дальше. Я человек в городе новый, ещё не примелькался. Дайте мне список, завтра пройдуся.

Ростовцев сунул руку за пазуху и протянул ему сложенный вчетверо замусоленный листок. Лавр взял его и, пробе-

жав глазами, покачал головой: – С такой описью, Семён Георгиевич, вы ничего не найдете! Золотая, толстая цепочка, заколка для волос с камнями, браслет очень красивый. Друг-зья! Так вещи не описывают. Очень красивый! У каждого свое понятие о красоте!

– Хозяйка сказала, что там застёжка в виде львиных морд, друг с другом зубами сцепляются, – растерянно сказал Ростовцев.

– Так и надо писать! – наставительно ответил Лавр и широко улыбнулся, ребята ему определенно понравились.

– Время уже позднее, наверное, Юхно мы уже не дождёмся. Будем собираться по домам, – сказал Пришелец – у меня две комнатки на Соборной. Небольшие, правда, но ничего, как-нибудь разместимся.

– А, давайте, Лавр Павлович, ко мне! У нас комната здоровущая и диван кожаный с подушками есть! – предложил Плякин, – и мамка ещё обещалась шурубарков⁷⁰ с сыром на лепить!

– Вот ведь буржуйская морда! – смеясь, сказал Ростовцев, – шурубарки он, видите ли, кушать изволит!

– Идёмте, – Плякин ухватил Лавра под руку и уволок за собой.

Мама Василия, Мария Егоровна, радушно встретила гостей и действительно приготовила шурубарки с сыром и мясом. Когда сели за стол, она достала штоф и налила две рюмки. Василий потянулся к водке, но мать строго сказала: – Я

те счас по рукам! Это мне и Лавру Павловичу, видишь, человек с дороги.

Было заметно, что Лавр очень понравился Марии Егоровне. Перед сном они вышли перекурить во двор.

– Василий, а откуда у тебя австрийская шинель?

– Как шинель? – огорчился Плякин, – вот ведь стерва базарная! Сказала, что это самое настоящее английское пальто! Я его на ботинки свои сменял, в одних сапогах остался!

– Не переживай! Это офицерская шинель, она очень хорошая, не хуже пальто будет, – улыбнулся Лавр.

***

На берегу Осечки⁷¹ четверо мужчин жарили на ивовых прутках рыбу.

– Рыбку пожарить, да бабу похарить, вот две радости и остались, – сказал одутловатый мужчина с белёсыми, почти невидимыми бровями и маленьким пухлым мокрогубым ртом.

– Да нет, Гриша, – ответил крепкий мужик, с костистым лицом, – есть ещё одна радость, краснопузым салазки загнать, – и искоса глянув из под густых бровей на соседа справа, спросил – верно, я говорю, Пётр Семёнович?

Воропаев ничего не ответил и молча пошевелил палкой угли.

– Василий, расскажи, как грека сработали. Что взяли, кому сдали, когда деньги будут? – спросил любитель двух радостей.

– Взяли мы, Григорий, 30 червонцев золотых и бумажка-ми 450 карбованцев. Женскую накидку меховую я бабе своей подарил, пусть порадует, а шубу с воротником бобровым Петруха дядьке своему отдал, у которого мы отлёживались, – ответил молодой курносый парень со светлыми, расчесанными на прямой пробор сальными волосами.

– Господин Пилюк, – сказал саркастическим тоном Воропаев, – где вы нашли этого идиота? – он палкой указал на Василия. – Завтра его дама напялит на себя эту накидку и пойдёт на базар. Вдруг хозяин опознает свою вещь? Эта мадам, не раздумывая, скажет, откуда она у неё. С шубой возможен аналогичный вариант. Дальше продолжать?

– Татьянка? Ни в жисть меня не продаст! Она баба надёжная!

– Ба-ба на-дёж-ная, – отдельно произнёс Воропаев и расхохотался, – нет, он действительно идиот!

Василий сидел, вжав голову в плечи. Он знал, что Момот и Пилюк строго следуют советам этого малохольного бывшего сыщика.

Воропаев вдруг резко оборвал хохот, и всем на мгновение сделалось жутко.

– Фёдор, – повернулся он к Пилюку, – надо продумать, чтобы добычу раскидывали по хуторам и станицам, под видом горожан меняющих ценности на продукты – это первое! Второе – крупные партии надо сбывать в Новороссийске, Ростове и Ставрополе! В Армавире, в конце концов! В Екате-

ринодаре с каждым днём становится все опаснее!

– Обмозгуем, Пётр Семёнович! Всё, как ты говоришь, сделаем!

Воропаев молча встал и, не оглядываясь, пошел в сторону шалаша, почти незаметного в прибрежных камышах. У него с утра было прекрасное настроение. Опять во сне приходила Варвара Семёновна и смотрела на него печальными глазами. Целый день он вспоминал её взгляд и не мог понять, что она хотела ему сказать, и настроение постепенно портилось. Он шёл, сбивая палкой кусты чертополоха, представляя, что это головы идиота Василия и его любимой Татьяны. Он никогда её не видел, но твёрдо знал, что она такая же идиотка!

***

Когда Лавр и Василий утром пришли на работу, в кабинете было пусто, только из-за двери, где сидел Ванин, раздавался пулемётный стрёкот старенького «ундервуда».

– Ты что, Колюнь, спать не ложился? – удивленно спросил Василий.

– Здесь на стульях чуток поспал, – ответил Ванин, не переставая печатать.

Они, не спеша, сделали по первому глотку чая, как в кабинет вошёл моложавый подтянутый мужчина с зачёсанной назад темноволосой гривой и весёлыми карими глазами.

– Знакомься, Яков, это Лавр Павлович. С нами бандитов давить будет! – сказал Плякин. Мужчина крепко пожал руку: – Яков Юхно. А я про вас знаю, мне Александр Петро-

вич рассказывал. Рад, что будем вместе работать! – и, усевшись верхом на стул, сказал – Вчера Прокофьев разгон давал! Требовал активной работы. У него из ЧК и штаба армии товарищи сидели. Очень озабочены они бандой Пилюка.

– Мы тоже озабочены! – усмехнулся Василий, – вчера только об этом и говорили, только не возьму в толк, мы что, уже все банды переловили, один Пилюк остался?

– Нет... – задумчиво произнёс Яков, побарабанив пальцами по спинке стула, – думаю, дело в другом, эта банда ближе всех к городу, и они полагают, что основная часть разбоев их рук дело. Наведём здесь порядок, люди нам поверят. Они ведь не только грабят и убивают, они ещё и народ против Советской власти агитируют. С большими бандами понятное дело, ЧК и армия будет справляться. А Пилюк – это наша забота...

– Лавр Павлович тоже говорил, что это они в город шастают, – вздохнул Василий.

– Сейчас все соберутся, разделим адреса и пойдём уточнять списки похищенного – он взглянул на Лавра – Это вы правильно сказали, товарищ Ермаков. С такими списками много не поработаешь, мне Ростовцев сказал, я его вчера вечером встретил.

***

Председатель ревкома ещё раз перебрал бумаги и обвел взглядом собравшихся: – Товарищи, совещание окончено. Прошу по рабочим местам.

Все потянулись к выходу, на ходу доставая из карманов кисеты и папиросы.

– Товарищ Пилюк⁷², задержись на минутку, – сказал Полуян. Коренастый мужчина в гимнастёрке и пиджаке, подолой которого угадывалась кобура, остановился и шагнул в сторону, пропуская людей к выходу.

– Присядь, Моисей Прокофьевич, разговор к тебе есть, – озабоченно произнёс он и, откашлявшись, добавил, – неприятный разговор.

Пилюк сел и положив тяжёлые кулаки с узловатыми пальцами на стол:– Слушаю тебя внимательно, Ян Васильевич.

Полуян опять переложил на столе бумаги, собираясь с мыслями:– Неподалёку от города орудует банда твоего однофамильца. Есть серьёзное предположение, что большой процент убийств их рук дело, – он пристально взглянул ему в глаза – кем он тебе приходится? Не братом ли?

Пилюк широко улыбнулся и откинулся на спинку стула: – Теперь понятно, чего хлопчик из ЧК вокруг меня вертелся. Вижу, чего-то спросить хочет да не решается! Ян Васильевич! Ты же сам елизаветинский, у нас плюнь, в Пилюка попадешь! Может он и родственник дальний, так что ж теперь, пол станицы к стенке ставить? – и весело рассмеялся.

Председатель ревкома шутки не принял: – Родственники бывают близкие и седьмая вода на киселе. Кем он тебе приходится?

Моисей Прокофьевич наморщил лоб, и вдруг, хитро при-

шурившись, спросил: – Как его хоть зовут?

– Фёдором, – ответил Полуян, не сводя с него глаз.

– Двух Фёдоров знаю. Один – бабки Меланьи внук. Батька его на мельнице працювал⁷³, а второй в Екатеринодаре лавочку имел. Вот который лавочник, моего покойного дядьки сын. То есть двоюродный брат. Но я с ним не знался, они на Выгонной жили, а мы около церкви. Только на Рождество и на Пасху здоровались. Вот только, кто из них в бандиты подался?

– Ты, Моисей Прокофьевич, председатель ревкомиссии по борьбе с бело-зелёными и спрашиваешь, кто из них бандит? – неожиданно вскипел Ян Васильевич, – это я у тебя должен спрашивать!!!

Пилук не изменив позы, спокойно ответил: – Бело-зелёные – это третья сила в Гражданской войне, которую мы ведём с белогвардейцами и интервентами. Здесь политический вопрос, а вы с меня за какого-то бандита спрашиваете. Завтра какойнибудь Пилук карманы на рынке начнет резать, и мне что, надобно будет каждого щипача лично знать?

– Хорошо, иди Моисей Прокофьевич, работай, – устало сказал Полуян. Пилук, не торопясь встал и протянув для прощания руку, с улыбкой произнёс: – Ну, правда, Васильич, не знаю, кто из них! Вот те крест!

***

– Пока наши товарищи уточняют приметы похищенного, мы с вами сходим в городскую больницу. Попробуем согла-

совать вопрос по вскрытиям, – надевая пальто, промолвил Пришелец.

За разговорами дорога была незаметна и вскоре они уже стояли перед высокой дверью с начищенной до зеркального блеска медной табличкой «Главный врач Екатериновской городской больницы доктор медицины Исай Яковлевич Меерович⁷⁴». Александр Петрович вежливо постучал.

– Да, да, будьте любезны, – раздался из-за двери сочный бас. За столом, покрытым зелёным сукном, сидел пожилой, породистый мужчина в белоснежном накрахмаленном халате. Грива чёрных с густой проседью волос была зачесана назад, открывая высокий лоб. Тёмные глаза приветливо, но внимательно рассматривали гостей. Пришелец представился.

– Прошу вас, господа, садитесь. Чем могу быть полезен вашему ведомству?

– Исай Яковлевич, мы пришли по поводу организации и проведения судебно-медицинских экспертиз. Отсутствие заключений крайне затрудняет следственную работу и делает невозможным проведение определённых оперативных действий. Мы с коллегой пришли к вам как к главному врачу ...

Меерович весело улыбнулся: – Я, милостивый государь, не главный врач, его пока нет. Просто сижу по старой памяти в своем кабинете но, безусловно, мы окажем вам всемерное содействие!

– Исай Яковлевич, В этой больнице, , служил патолого-

анатом, с которым мы тесно сотрудничали. Если мне не изменяет память, это был судебный врач Иванов Пётр Афанасьевич.

– Не изменяет! Смею вас уверить, Пётр Афанасьевич хирург божьей милостью! Конфликт с одним крючкомвором из медицинского департамента привёл к тому, что его отлучили от операционного стола. Ситуация скажу вам, была презабавная, что собственно и послужило причиной ссылки. Пётр Афанасьевич осматривал больного с острым животом⁷⁵, а этот господин входит в смотровую с проверкой санитарного состояния. Иванов как раз проверяет симптом Щеткина – Блюмберга⁷⁶, больной вскрикивает, а этот чудак, вы только представьте, господа, говорит, – что вы делаете! У человека боли, а вы давите ему на живот! Петр Афанасьевич объяснил ему куда идти. У больного реактивная стадия, понимаете ли, а тут над душой стоят! Он взял его за шкурку и вышвырнул из смотровой, – Исай Яковлевич заразительно рассмеялся, а затем, вздохнув, добавил: – А сам вылетел на несколько лет из операционной!

– А где он сейчас? – спросил Лавр.

– В Ревеле⁷⁷, – ответил Меерович, – но вы не переживайте, я вам порекомендую замечательного и очень грамотного профессионала. Михаил Александрович Ерохин⁷⁸ – это то, что вам необходимо!

– Не его ли объявления давались в «Кубанских ведомо-

стях»? – с улыбкой спросил Пришельцев, – если я не ошибаюсь, там шла речь о венерических и мочеполовых болезнях.

– Не ошибаетесь! – хитро подмигнул Исай Яковлевич – Но смею вас заверить, что лечение французского насморка⁷⁹ ни в коей мере не умоляет его познаний в судебной медицине!

***

Они вышли на улицу, и Лавр взял Александра Петровича под руку: – Если у нас есть немного времени, я бы хотел сходить на могилу к Григорию Спиридоновичу⁸⁰.

Они свернули на Рахпилевскую, и вскоре вошли в кладбищенские ворота.

– Какая необычная могила, – сказал Лавр, кивнув головой в сторону небольшой колоннады, – я признаться, впервые вхожу с этой стороны и никогда её не видел.

– Это могила мадам Турищевой⁸¹ – рассеянно ответил Пришельцев, – говорят, была известным медиумом⁸².

Немного попетляв по заросшим травой тропинкам, они подошли к небольшому, слегка позеленевшему скорбящему ангелу, который, опершись на серый гранитный крест, приложил ладошку к груди и печально, с лёгким укором, смотрел в серое небо.

– Здравствуй, Гриша, – сказал Александр Петрович. Лавр сглотнул, чтобы прогнать комок, неожиданно возникший в горле. Не сговариваясь, они потянулись за папиросами и закурили: – Так и не отомстили мы за тебя ...

– Удивительно, ни один из агентов ничего не сообщил, как будто из воздуха этот мерзавец появился.

– Да..., по всем каналам отработывали. Я, чего уж тут греха таить, и деньги через информаторов обещал и послабление всякому, кто на убийцу покажет, – задумчиво ответил Александр Петрович.

– А что с супругой? – спросил Лавр.

– Мы поддерживали связь до лета 1913 года, а потом Елена Ивановна уехала к сестре в Тихорецкую. Я наказал тамошнему приставу, чтобы при нужде оказывали всемерную поддержку, а вот сын⁸³... – Александр Петрович помрачнел, – убили его в 18-м, в Екатеринодар он шёл, и вот не дошёл. Случайно пачку старых донесений в шкафу нашёл, оттуда и узнал.

Легкий ветерок донёс запах гари.

– Опять что-то горит, – сказал Пришелец – и вдруг печально улыбнувшись, задумчиво добавил, – у меня детство ассоциируется с запахом яблок и свежескошенной травы, а чем будет пахнуть детство нынешнего поколения?

– Надеюсь, что не сеном, – содрогнувшись, с кривой усмешкой ответил Лавр, вспомнив синие лица и пену вокруг искусанных губ мёртвых солдат, вповалку лежавших в окопе, – после войны этот запах связан у меня с боевыми газами⁸⁴.

Пришелец молча покачал головой и вновь потянулся за папиросами.

Лавр провёл рукой по крылу ангела – Идёмте Александр Петрович, как потеплеет, надо будет собраться и прибрать могилку. Ну и помянуть, конечно!

***

Не успели они войти в коридор, как к ним навстречу выскочил взъерошенный Ванин: – Александр Петрович! Опять женщину задушили! Ростовцев уже там, просил вас подойти.

– Раз просил, значит подойдём, Давайте адрес, Николай Акимович.

– Это недалеко, всего два квартала.

Через несколько минут они уже входили в небольшой, чисто прибранный общий дворик. Соседи испуганно толпились у двери угловой квартиры.

– Доброго дня, – поздоровался Пришелец, – расскажите, что стряслось?

– Ох, просто страх господний! – дородная женщина обхватила руками пухлые щеки, – я на кухне была, борщ варила и вдруг крик, Галину убили! Выскочила я, значит, а её муж Савва Матвеевич по двору мечется и кричит! Тут дворник наш подбежал. Я его в полицию и отправила.

– В милицию, – поправил Лавр.

– Ну да, в её самую, а сама в комнату заглянула! – она всплеснула руками, – лежит Галина на кровати. Как живая, только мёртвая совсем!

– А как вы узнали, что она мёртвая? – спросил Пришелец.

Женщина не успела ответить, дверь открылась, на порог вышел Ростовцев и махнул рукой: – Заходите товарищи!

В небольшой комнате все было перевёрнуто вверх дном. На разобранной кровати лежала женщина лет сорока в ночной рубашке. За столом сидел плотный мужчина. На лбу у него выступили крупные капли пота, его знобило и, чтобы унять дрожь в руках, он зажал ладони между коленей.

– Это муж убитой, Власов Савва Матвеевич, – сказал Ростовцев, – придя домой с рынка, обнаружил тело супруги и признаки ограбления. Сразу поднял тревогу. Я ещё опросить никого не успел, только начал протокол осмотра писать.

– Протокол это хорошо, – сказал Лавр.

Подойдя к женщине, он надавил пальцем на бедро, внимательно осмотрел руки и, взяв за подбородок, попробовал повернуть голову в разные стороны. Затем, оглядевшись, взял со стола серебряную чайную ложечку с красивой витой ручкой, аккуратно раздвинул покойной губы и чему-то улыбнулся.

– Я выйду во двор, опрошу соседей, вдруг кого-то видели, – сказал Ермаков и вышел из комнаты. Когда он вернулся, Ростовцев уже заканчивал писать.

Лавр ещё раз внимательно огляделся, затем подошёл к хозяину, положил руку на плечо и глядя в глаза тихо спросил: – Савва Матвеевич, что ж ты с мёртвой жены крестик сорвал? Как она перед Отцом предстанет?

Савва Матвеевич рванулся, пытаясь встать: – Сидеть! –

рвякнул он, – Встанешь, когда я скажу! Снимай пиджак!

Ростовцев ошарашенно, а Пришельцев с одобрительной улыбкой, смотрели на Ермакова. Когда они, отправив труп в морг, а Савву Матвеевича в отдел, вышли на улицу, Ростовцев восхищённо сказал: – Лавр Павлович! Как вы его узнали?

– Когда мы вошли было 17.15. Он сообщил о трупе в 16.10, – начал Лавр.

– Погодите, коллега! – сказал Пришельцев, – вы сегодня явили чудеса дедукции. Соберёмся вместе, и расскажем, думаю, будет поучительно для всех.

– Нет, пусть сейчас расскажет, – умоляюще воскликнул Ростовцев, – я не дотерплю, а потом ещё раз послушаю.

Александр Петрович улыбнулся: – Хорошо, рассказывайте, честно говоря, и самому не терпится.

– Так вот, с момента обнаружения трупа до осмотра прошло около получаса. Трупное окоченение наступает не ранее чем через два часа, в комнате тепло, значит ещё позже, а она была уже как камень. Он сказал, что пробыл на рынке около часа. Это первая зацепка. Готовиться ко сну ещё рано, а она в ночной рубашке! Учитывая степень окоченения, можно сделать вывод, что она её просто ещё не снимала. Ее душили подушкой, слизистая губ вся в ссадинах от зубов, к корню языка прилипла пушинка. Далее... – Лавр остановился и достал папиросы, – под ногтями запёкшаяся кровь. Этот Савва длиннорукий, до его лица она дотянуться не могла. Откуда

кровь под ногтями?

– Откуда? – нетерпеливо спросил Семён.

– В агонии она царапала руки убийцы. Поэтому он и сидел в тёплой комнате в пиджаке, помните, как он утирал пот? – Лавр подошёл к водяной колонке, и, выпив пару горстей воды, продолжил, – Савва Матвеевич пытался симитировать ограбление, причём, весьма бездарно! Ящики аккуратно поставлены на стол и подоконник. Соседи ничего не слышали. А самая большая его ошибка в том, что он не нарушил стопки аккуратно сложенного постельного белья. Хотя любой домушник или грабитель знает, что женщины имеют обыкновение прятать там деньги и ценности. Вот в принципе и всё, – подытожил он и закурил.

– А крестик? – обескураженно спросил Ростовцев.

– Ну, это совсем просто, – слегка улыбнулся Александр Петрович, – на шее была довольно глубокая ссадина, но без капель крови, – и видя непонимающий взгляд Семёна, пояснил, – цепочку сорвали с трупа, когда кровь уже перестала течь по сосудам.

– И даже прекратился остаточный кровоток⁸⁵, – добавил Ермаков, раскуривая погасшую папиросу.

***

Входная дверь с треском распахнулась. В коридор стремительно ворвался мужчина в кожаном плаще, под которым виднелся офицерский френч, туго перехваченный портупеёй. Чёрные как смоль усы свирепо топорщились. За его спи-

ной стоял пожилой мужчина в светлом летнем пальто и болтающемся на шнурке пенсне. Трясущимися от волнения руками он теребил коричневую фетровую шляпу.

– Здравствуйте, Родион Тимофеевич, – поздоровался Пришельцев,

– И вам не хворать! – коротко бросил вошедший. Не глядя на них, он прошёл в кабинет, и широко расставив ноги, остановился в дверях. – Сидите! Мать вашу...! Пять трупов зараз, а они чаи гоняют!

– Товарищ Шипулин! Мы вчера убийство раскрыли, – стараясь говорить твёрдо, сказал Яков из-за спины Александра Петровича, – преступник задержан и препровождён в отделение.

– Ай молодца! – издевательски произнёс Родион Тимофеевич, – сходи завтра в хозотдел, тебе доппаёк дадут, и в строевую часть не забудь за орденом заглянуть! Убийцу он поймал! Муж жинку придушил и вас, как дурак сидел, ждал! Подайся он в бега, чёрта лысого вы бы его нашли! В городе убийства одни за одним, а они... – он зло постучал кулаком по притолоке, – всем кагалом чаевничают! Юхно! – Яков вытянулся по стойке смирно, – в восемь вечера, ты лично у меня в кабинете!

– Есть! – ответил Яков и коротко глянул на Пришельцева.

– Ты на Александра Петровича не косись! Он кадровым резервом заведует, – Шипулин вдруг посмотрел на Лавра.

Ермаков принял строевую стойку и представился.

– Это, видимо о вас, мне звонил начальник управления? – он скупно улыбнулся, – товарищ Инденбаум характеризовал вас очень положительно. Вы знакомы?

– Полагаю, что информация получена от бывших сотрудников полиции, состоящих на службе в РККМ, – ответил Лавр, не отводя взгляда.

Ответ почему-то понравился начальнику городской милиции, и Шипулин уже спокойным тоном сказал: – Ну что ж, надеюсь, что информация соответствует действительности. Попрошу вас принять в расследовании непосредственное участие, – он повернулся и кивком головы указал на пожилого человека, – этот гражданин обнаружил тела. Работайте!

Родион Тимофеевич развернулся и широким шагом направился к выходу. На пороге он обернулся: – Юхно! В восемь часов! – и, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

Плякин шумно выдохнул: – Слава Богу, уехал!

Пришельцев подошёл к мужчине: – Здравствуйте Франц Францевич! – и, обернувшись к коллегам, добавил – это Франц Францевич Марек⁸⁶, весьма уважаемый товарищ, – и, взглянув на Плякина, попросил, – Василий, подгоните дежурную пролетку, через пять минут выезжаем.

Марек сел и положил шляпу на колени. Александр Петрович протянул ему кружку с водой: – Рассказывайте, Франц Францевич.

Стуча зубами о край железной кружки, Марек сделал

несколько глотков, и, расплёскивая воду, поставил её на край стола.

– В обед я пришёл к своему старинному другу Карлу Лаврентьевичу.

– Вы говорите о Гуснике⁸⁷? – спросил Пришелец.

– Да, да, о Карле Лаврентьевиче!

Александр Петрович удивленно качнул головой: – Я был в полной уверенности, что он эмигрировал на родину.

– Нет, он принял революцию и считал, что свободная Россия была неразрывно связана с Чехословакией, независимой от Австро-Венгрии⁸⁸. Так вот, уже, когда я подходил к дому и увидел приоткрытую дверь, мне почему то стало тревожно. Поднявшись на крыльцо, я громко крикнул: – Карл! Ты дома? Но мне никто не ответил. Вокруг была гробовая тишина! В это время у него должна была быть Ольга Викторовна, супруга нашего общего друга Соловца. Она помогала Карлу вести хозяйство.

В кабинет заглянул Плякин: – Пролётки готовы.

Все, кроме Марека, встали. Франц Францевич опять взял со стола кружку и сделал несколько больших глотков: – Я набрался храбрости и вошёл в прихожую, а там... – его плечи вдруг судорожно затряслись, – все мёртвые, все пятеро! Представляете! Все... – он закрыл лицо руками и зарыдал, – даже дети!

***

Около дома Гусника их встретил милиционер: – Прохо-

дите сюда, товарищи.

– В дом не входили? – спросил Пришелец.

– Нет. Мы обученные, знаем, что нельзя до приезда угро на место преступления соваться! Я здесь всех разогнал, чтоб не натоптали, – гордо ответил он, поправляя сползавший с плеча карабин.

В сенях лежали: юноша, почти мальчик, и девушка. Аккуратно обойдя их, они прошли в первую комнату. Два трупа были рядом, лицо мужчины с багровым кровоподтёком на скуле было повернуто к женщине. В следующей комнатке, выполнявшей роль спальни, ничком лежало тело пожилого человека.

– Семён, осмотрите всё вокруг дома, а вы Василий, опросите соседей, – сказал Пришелец, – мы пока оглядимся здесь и начнём протокол писать.

– С прихожей начнём? – спросил Юхно.

– Да, вы с правой стороны, Лавр Павлович слева, а я, наверное, тоже с Семёном по периметру пройду и с Мареком ещё пообщаюсь. Когда тела увезут, он понадобится внутри, а сейчас его пускать нельзя.

Они работали слаженно, понимая друг друга с полуслова, и через час всё было закончено. Когда подъехали телеги, чтобы забрать тела, Александр Петрович предусмотрительно отвёл Марека за угол дома.

– Франц Францевич, мы прекрасно понимаем, что вы пережили, но, тем не менее, прошу вас собраться! – участливо

сказал Пришельцев, – внимательно осмотрите комнаты – все ли предметы на своих местах?

Марек надел пенсне и осторожно вошёл в дом. Минут десять он внимательно разглядывал обстановку: – Нет столового серебра. Ещё нет гарардовской бульотки⁸⁹, она тоже серебряная и старинная. Карл ею очень гордился, – он протёр пенсне, – нет этюда Поленова⁹⁰.

– Что на нём было изображено? – спросил Пришельцев.

– Море, и одинокая сосна на скале, – ответил он – это, кажется из нормандского цикла. Я, увы, не знаток живописи, – вдруг он поднял вверх руку, – погодите! Как я мог забыть самое главное! У него была прекрасная коллекция золотых монет, начиная от скифов и древних греков, до средневековой Европы. Самая молодая монета, как он её называл, был наполеондор⁹¹ 1812 года, – он быстро подошёл к бюро, выдвинул нижний ящик и обескураженно обернулся, – его нет...

– Кого его? – спросил Василий, вошедший в комнату.

– Альбома. Большого формата, в темно-зелёном сафьяновом переплёте с золотым тиснением и медными уголками.

– А многие знали о коллекции? – спросил Яков.

– Не думаю, покойный Карл не был хвастуном, да и это ведь немногим интересно, только любителям, – Марек вздохнул, – все кто знал о коллекции, в основном, уже покинули Россию. А преступники думали, что у него несметные богатства.

– Франц Францевич, – спросил Юхно, – вместе с вашим другом погибло ещё четверо. Скажите, кто эти люди?

– Карл Иосифович и Ольга Викторовна – это супружеская пара, Карл – чех, а его супруга – из местных, казачка. Как я уже говорил, помогала, вернее, вела его хозяйство, – ответил Марек. – А дети, – он печально покачал головой, – Вася и Маша увлекались ботаникой. Василий хотел вывести абрикосы, которые будут плодоносить дважды в году, а Машенька, увидев у меня орхидеи, загорелась идеей высадить их в открытом грунте. Я пытался ей объяснить, что тропические растения требуют высокой влажности, но...

– Франц Францевич, – мягко остановил его Лавр, – скажите, то, что все собрались в одно время, это было запланировано или случайность?

– Случайность, – твёрдо сказал Марек, – все живут по соседству и заходили в любое время, как к себе домой. Но Олечка всегда приходила каждый день к обеду. Дети после занятий, не раньше трёх, а Карл Иосифович около четырех – пяти часов. Он торговал на рынке.

– Спасибо, Франц Францевич, – сказал Пришельцев, – сейчас мы вас отправим домой, а завтра попрошу с утра к нам. Думаю, за ночь возникнут кое-какие вопросы.

Марек попрощался, направился к двери, и, уже взявшись за ручку, вдруг обернулся: – У Карла ещё были золотые карманные часы. Хороший Павел Буре, с двойной крышкой. На крышке памятник Яну Непомуцкому⁹², это подарок от зем-

ляков. И перстень с изумрудом, очень красивый.

– На ... – начал Семён.

– Я знаю, – остановил его Пришельцев, – благодарю вас, Франц Францевич.

Когда Марек ушёл, Семён сказал: – На убитом не было ни часов, ни перстня.

– Я знаю, – повторил Александр Петрович: – жилетная петля, куда крепят цепочку, вырвана с корнем, а на суставе безымянного пальца содрана кожа, а крови нет! О чём это говорит?

– С мертвого сняли! – выдохнул Василий. Южно оглядел товарищей и спросил: – Ну что, господа хорошие, какие будут соображения?

– Я пообщался с соседями, – сказал Плякин, – шума борьбы или криков никто не слышал, но соседка около пяти вечера видела трёх мужчин. Описать она их не смогла, но показала, что один из них здоровый как слон, а второй – из бывших, скорее всего, офицер, – он смущённо взглянул на Пришельцева и Лавра, – уехали они на дрожках, которые их ждали.

– То, что один из бывших, это понятно, – улыбнулся Лавр, – а про дрожки, откуда вывод?

– Она их утром видела пустые, а потом они в них сели, – пояснил Василий, и ревниво спросил, – а с чего понятно, что один из бывших?

– На стене несколько картин, а взяли только Поленова,

хотя другие литографии гораздо привлекательнее на вид, — усмехнулся Александр Петрович.

— Мальчика убили во дворе и затащили в дом, — сказал Ростовцев, — я обнаружил следы волочения.

— Правильно, волок его один человек, — подтвердил Лавр и пояснил, — у мальчика носки обуви забиты землёй.

— Уже половина седьмого, — печально произнёс Юхно — скоро на доклад к Шипулину идти. Он взглянул на Пришельцева: — Может, вместе сходим? Он вас уважает, хоть орать не будет.

— С тобой Лавр Павлович ходит. Это будет лучше, — Александр Петрович похлопал его по плечу, — а по дороге вы вместе линию защиты от Шипулина выработаете!

Когда смех стих, он продолжил: — Доложишь, что установлены личности убитых, составлен точный список похищенного, определено количество и некоторые приметы преступников и разработан план розыскных мероприятий. Завтра по получении заключения судебного медика картина дополнительно прояснится. Думаю, для первого доклада достаточно.

— А на хрена нам заключение доктора? — вдруг спросил Плякин, — и так всё ясно, все задушенные!

Ростовцев осуждающе взглянул на Василия: — Вот если бы ты был с нами, когда Палыч, вчера за счёт медицины убийца жены расколол, то глупостей не болтал бы!

Они опечатали дверь и вышли на улицу. Пришельцев слегка придержал Лавра за локоть: — Вы обратили внимание,

как он вас назвал?

Ермаков молча кивнул.

– Вас оценили и приняли в трудовой коллектив – улыбнулся Александр Петрович.

***

– Василий, – на следующее утро попросил Пришельцев, – вы с Ермаковым сходите в морг на Дубинку. Думаю, часам к четырём уже будут какие-то результаты. А сейчас, Лавр Павлович, загляните в хозотдел, мне сегодня звонили. Получите ордер на поселение, продпаёк и вооружитесь. Сколько можно Василия объедать! – все засмеялись, а Плякин обиженно засопел: – Зря вы так, Александр Петрович! Мама к Лавру Павловичу со всей душой!

– Мария Егоровна – прекрасной души человек! Я ей очень признателен, но обременять её мне действительно неловко, – искренне сказал Лавр, – тогда мы с Василием вместе разберёмся с бытовыми вопросами, а оттуда к Ерохину.

Они зашли в хозотдел: – Давай жильё поближе к работе, – потребовал Василий и придирчиво перебрал несколько адресов, – вот этот! И от работы недалеко, и со мной по дороге! Вместе на работу ходить будем!

– Как с оружием? – спросил Ермаков.

– Хреново с оружием, – хитро прищурившись, печально ответил оружейник, – один наган на троих⁹³. Вот есть один свободный. Знатоки говорят, хороший, – и он взял с полки револьвер необычной формы.

– Правильно говорят, – кивнул головой Лавр, – я ценю антиквариат, но в пределах разумного. Это револьвер системы Галан, Льежской мануфактуры образца 1868 года. Когда-то он стоял на вооружении Русского императорского флота. У вас и патроны к нему имеются?

– Да, четыре штуки есть, – скупно улыбнулся оружейник. Лавр улыбнулся в ответ и быстрыми, точными движениями разобрал и собрал оружие.

– Михалыч! – проникновенно сказал Плякин, кладя на стол нераспечатанную пачку папирос, – ты в изъятom посмотри, вдруг, что приличное отыщется!

– А новый начальник придёт? – ухмыльнулся оружейник, глядя на папиросы, – чем я его буду вооружать?

Василий пододвинул пачку поближе: – Вот возьмём на днях банду, самолично все стволы тебе сдам! Любому начальнику угодишь!

Михалыч, кряхтя повернулся, снял с полки небольшой, но увесистый чемодан, раскрыл и со вздохом произнёс: – Выбирайте.

– Маузер, велоdog⁹⁴, ремингтон 1875 года – весьма редкая вещь! Наган, браунинг, смит-вессон, кольт, тоже велоdog, только бельгийский⁹⁵. О! Даже лефoше! Славный старичок! – с видимым удовольствием Лавр любовно перебирал оружие.

– С вашего позволения, – добавил он и взял браунинг.

– Соображающий у тебя товарищ, – уважительно покачал

головой Михалыч и положил на стол две пачки патронов.

***

Мария Егоровна непритворно расстроилась, когда узнала, что Ермаков переезжает.

– Вы Лавр Павлович, бельё в стирку мне носите, и в гости заходить не забывайте, – грустно говорила она, глядя, как он собирает свои нехитрые пожитки, – как время выдастся, вместе с Васенькой приходите обедать.

Лавр от души поблагодарил, дал честное слово, что будет приходить к обеду, и они с Плякиным направились на Дубинку.

Когда они подошли к небольшому белому домику, Василий поёжился.

– Не бойся, – подбодрил его Лавр, – мы в прозекторскую не пойдём, нам только заключения забрать и, может, что-нибудь уточнить.

На лавочке у порога сидел мужчина в строгом тёмно-сером костюме с аккуратной чеховской бородкой и с удовольствием курил трубку.

– Здравствуйте, Михаил Александрович! – поздоровался Ермаков.

– Добрый день, чем обязан? – мужчина встал и вынул трубку изо рта,

– впрочем, можете не представляться, вы из сыскной милиции?

– Из уголовной милиции, а точнее из уголовного розыска.

– Вы, наверное, по поводу вскрытий? – спросил Михаил Александрович, – прошу в кабинет.

Ерохин перебрал на столе бумаги: – Это официальное заключение, а в общем, дела обстояли следующим образом. Причина смерти у всех одна – задушение. Но время разное, приблизительно с полудня до 18-19 часов. Первой была убита женщина, – он заглянул в бумаги, – Салавец Ольга Викторовна 28 лет, домохозяйка. Задушена сразу. Душили сгибом локтя сзади. Разорваны связки. Затем был убит мужчина Салавец Карл Иосифович 35 лет, садовод. Он пытался оказать сопротивление, у него содран эпидермис на головках пястных костей, но его ударили в скулу, а потом задушили. Удар был очень сильный, налицо перелом скуловой кости и трещина верхней челюсти. Затем, – он тяжело вздохнул, – наступила очередь детей, – Курицын Василий 14 лет, ученик высшего начального училища. Пытался убежать, его сбили с ног и задушили. Его сестра Курицына Мария 16 лет, ученица. Задушена, прошу обратить внимание, – Михаил Александрович взглянул на них, – одной рукой. Судя по расположению гематом на шее, – правой. И последний – Гусник Карл Лаврентьевич, 70 лет. Его перед смертью пытали, у него прижизненные переломы пальцев и гематомы, а потом сломали шею.

Лавр кивнул головой: – Да, Михаил Александрович, вы абсолютно правы, его пытали, но он ничего не сказал, – и, видя вопрошающий взгляд Ерохина, пояснил, – если бы он

сразу все рассказал, то не было бы столько трупов. Когда они пришли, Гусник был один. Они убивали всех пришедших по очереди.

Василий заворуженно переводил взгляд с Ерохина на Ермакова: – Среди них был человек большой физической силы и с крупными руками, – сказал Михаил Александрович, – задушить 16-летнюю девушку одной рукой, – он покачал головой, – это знаете ли, не каждому дано.

– Разрешите? – Василий поднял руку, как будто сидел за партой, – Михаил Александрович, а как вы догадались, что мальчик пытался убежать, а его сбили с ног?

– У него все ладони в земле и продольные прижизненные ссадины. При толчке в спину бегущий человек инстинктивно вытягивает руки вперед, плюс и одежда испачкана в земле, – пояснил Ерохин. Он надел пенсне, взял перо и в конце каждого заключения аккуратно вывел – врач М.А. Ерохин, 4-я лаборатория на Дубинке⁹⁶.

Попрощавшись, они вышли во двор: – Ну что Василий, теперь понимаешь, для чего судебные медики нужны?

Плякин восхищённо вздохнул: – С ума сойти! Ну всё знает! Как будто рядом стоял! Как всех бандитов повылавливаем, на врача пойду учиться!

***

Лавр Павлович и Ростовцев со списком похищенного тем временем обходили скупки: – Уже шестую скупку обходим, а всё без толку, – огорченно произнёс Семён.

– Сейчас ещё в одно место заглянем, семь – счастливое число, вдруг повезёт. Если вы помните, раньше здесь был очень известный ювелирный магазин Гана, – ответил Лавр, – один из лучших на юге России.

Они подошли к красивому зданию в восточном стиле⁹⁷: – Посмотрим, – сказал Лавр, – может быть, здесь что-нибудь «выстрелит».

Он толкнул дверь, и под звук тихо звякнувшего колокольчика сыщики вошли в магазин. Высокий мужчина, стоявший за прилавком, наклонил голову, и поздоровался.

– Здравствуйте Леон Яковлевич – произнёс Лавр, поклонившись в ответ, – мы с коллегой из уголовного розыска по одному весьма деликатному делу.

Семён достал список и протянул его хозяину: – Скажите, что-нибудь из перечисленного, в ближайшие дни вам не предлагали?

Ган аккуратно, двумя пальцами взял список, надел пенсне в тонкой золотой оправе и, откинув голову, начал читать вслух. Когда он дошёл до браслета с львиными лапами, из под прилавка вдруг выскочила девочка лет восьми, и держа в руках золотой браслет, радостно воскликнула: – Вот он, рара⁹⁸!

Леон Яковлевич страдальчески скривился: – Эмилия! Немедленно уйди к себе в комнату!

Девчушка, обиженно шмыгнув носом, положила браслет на прилавок и вскинув черноволосую головку с двумя уло-

женными бубликами косичками, гордо вышла из зала.

– Дети весьма несносны! Не дают рта раскрыть! – произнёс Ган, стараясь сгладить неловкость. Лавр и Ростовцев сочувственно покивали головами.

– Расскажите о нём, – с едва сдерживаемой радостью в голосе попросил Ростовцев.

– Вчера утром пришёл молодой мужчина или, вернее парень, и предложил взять на продажу. Я, естественно, согласился.

– А почему вы его не выложили на витрину? – спросил Семён, но Ган уже взял себя в руки и с легкой улыбкой ответил: – Я его только что убрал с витрины в сейф. Время закрываться, – и, не убирая с лица улыбки, добавил – сейф для особо ценных изделий, находится под прилавком. На видном месте хранится всякая бижутерия.

– Ну что ж, весьма разумно – произнёс Лавр, – вы записали данные сдатчика, как предписывает инструкция?

Ган перестал улыбаться но, не потеряв самообладания, сухо ответил: – Вам, товарищи, должно быть известно, что с началом революционных событий работа ювелирных магазинов была прекращена. С приходом Советской власти постановления, циркуляры и указания царского и временно-го правительства утратили силу. Новых указаний от нового правительства мне не поступало, и я при всём желании ничего не мог нарушить. Этот человек как личность меня не интересует. Для меня представляет интерес принесённый им

товар.

Лавр взял с прилавка браслет: – Красивая вещь, если я не ошибаюсь, этот вид плетения называется «Глаз пантеры»?

Леон Яковлевич удивлённо вскинул брови: – Вы разбираетесь в ювелирном искусстве?

– Агент уголовного розыска должен разбираться во всём, – улыбнулся Лавр – опишите, пожалуйста, этого человека.

– Он из станицы, – уверенно сказал Ган – у него крестьянский загар и широкие мозолистые ладони, на вид не более 30-ти лет, рост чуть выше среднего, нос курносый с широкими ноздрями, глаза светлые, брови белёсые. Никаких особых примет, как вы любите, шрамов или родимых пятен, я не заметил.

– Как вы с ним договорились? – спросил Семён.

Ган пожал плечами: – Он сказал, что через три дня зайдёт за деньгами или заберёт браслет.

– То есть он зайдёт послезавтра? – утвердительно переспросил Семён.

– Да, – кивнул головой Леон Яковлевич.

– Вы открываетесь в 10 часов. Послезавтра, в 9 часов, впусти нас с чёрного ход, – сказал Лавр – Если вдруг возникнут какие-либо изменения, телефонируйте нам по номеру 627, спросите любого сотрудника и передайте ему необходимые сведения.

На улице Семен, ударив кулаком по раскрытой ладони,

удовлетворённо воскликнул: – В цвет, Лавр Павлович!

Не успели они пройти и двух шагов, как их окликнули: – Господа! – в дверях магазина стоял Ган.

– Я совсем забыл! Буквально за минуту до визита, в магазин зашёл ещё один человек! – взволнованно сказал Леон Яковлевич, – он молча оглядел витрины, вышел и стал дожидаться второго на улице.

Ган немного помолчал и продолжил: – Высокий, подтянутый, хорошо выбрит, с ухоженными усами. У него очень неприятные глаза! Светлые, но абсолютно ничего не выражающие, пустые и холодные. Смотрят сквозь тебя.

– Кокаинист? – быстро спросил Лавр.

– Ни в коем случае! Движения очень точные, весь собранный, подтянутый, – Ган покрутил головой, как будто ему был тесен крахмальный воротник и уверенно добавил, – это офицер, причём не из скороспелых подпоручиков или зауряд-прапорщиков, выслужившихся из нижних чинов или резерва, а человек, закончивший одно из высших военных училищ. У него поистине гвардейская выправка, которая приобретаетсся с годами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.